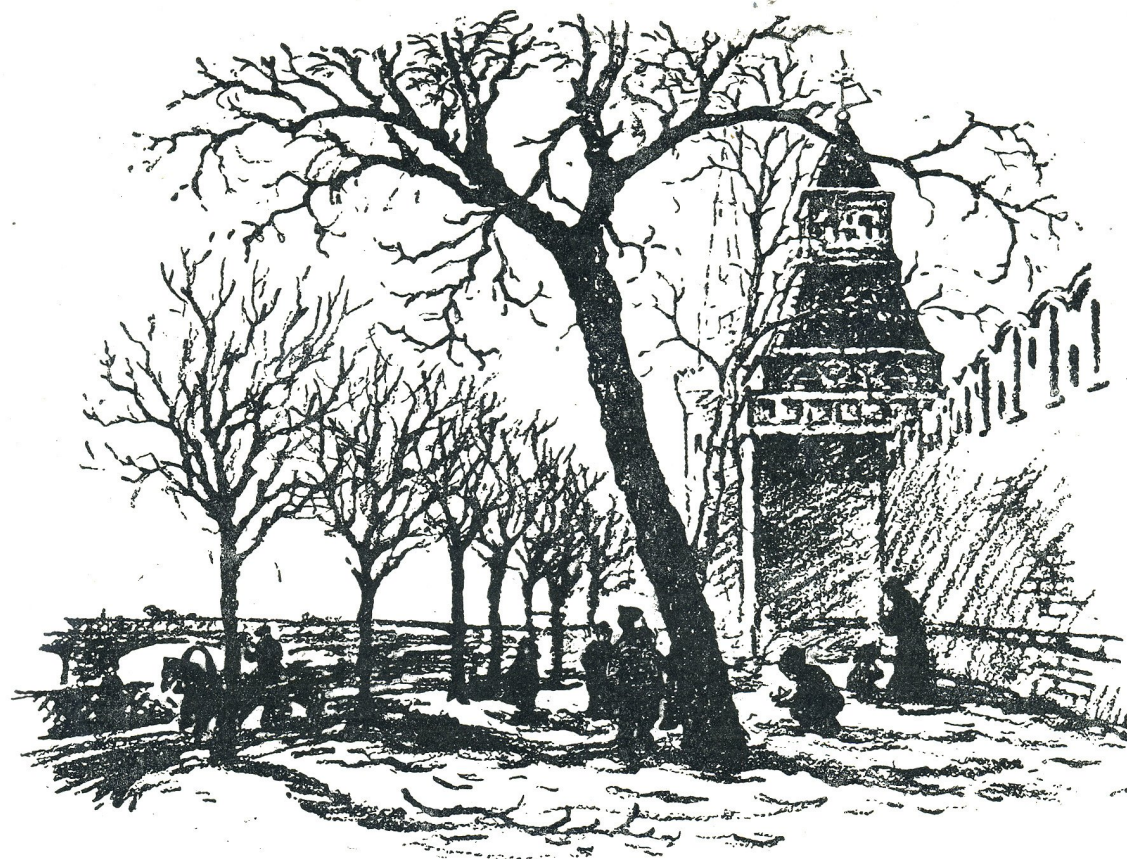

Юный
4
1965
Натуралист

Павло МАКРУШЕНКО

Рисунки В. Житникова

ВЕТОЧКА ТОПОЛЯ

РАССКАЗ

Весна 1920 года.

Владимир Ильич Ленин идет в Тайницкий сад Кремля отдохнуть после трудной работы. Он любит эти прогулки.

Ленин идет по Ивановской площади один и улыбается. Хорошее у него настроение. Он рад приходу теплого солнечного дня после долгой и холодной зимы.

«Люди исголодались!» — говорил Ленин.

Да, народ устал от холода. В стране не хватало дров, угля. Стояли фабрики и заводы. Холодно было в домах. Не топили в школах, и они закрывались...

Ленин радуется тому, что закончилась гражданская война.

Солдаты-отцы вернутся к своим детям. Воины сменят винтовку на плуг и будут пахать землю, выращивать хлеб. Настанет конец голода.

Какое это счастье! Счастье будет и у детей. Они пойдут в школу...

Люди изголодались!

Ленин всегда много работал. И все же он находил несколько минут для отдыха, шел в Тайницкий сад. А в субботу к вечеру старался уехать в лес до самого понедельника.

Чистый воздух, лесная тишь с таинственным шорохом, ароматом ягод и грибов всегда манили его.

Иногда Владимир Ильич ходил в лес с ружьем. Это тоже ради отдыха. Страстным охотником он себя не считал.

Был же случай, когда Владимир Ильич не стал стрелять в лису, бежавшую прямо на него.

— Почему вы не били? — кричал запальчиво егерь.

— Жалко стало рыжую плутовку. Уж очень она красива, — ответил, смеясь, Ленин.

Иногда Владимир Ильич бродил по лесу один, молча, без всяких целей. Просто так, отдыхал, набирался сил.

Вот и сейчас он шел, стараясь не думать о делах. А вспомнил про загадочный бугорок, возникший на тротуаре, и ускорил шаг. Ленин наблюдал за

этим бугорком уже несколько дней. Подошел ближе и поразился: сквозь разорванную толщу асфальта пробилась нежные бледно-зеленые побеги. «Экая сила жизни!» — подумал Ленин.

Владимир Ильич спустился по склону Тайницкого сада. И здесь весна в разгаре. Вот-вот развернутся нежные листочки рябины и липы, сомкнутые в тугие смолистые почки.

Как-то на зорьке Ленин слышал в Тайницком саду соловья. А сейчас до его слуха доносился едва уловимый голос пчелы.

«Откуда бы ей взяться в центре большого города?»

Но слух не обманул. Да, вот она.

Неутомимая труженица нашла невзрачный желтый цветок мать-и-мачехи и жужжит над ним. У растения нет еще листьев. А цветок уже выскочил из земли, поднялся на серой ножке и спешит угостить пчел да мошек сладким соком — нектаром и душистой кашкой пыльцы. Ильич достает карманные часы: пора домой, скоро обед.

В условленный час приедут с работы Надежда Константиновна и сестра Ленина — Мария Ильинична. Владимир Ильич решил возвращаться по нижней аллее, чтобы обойти весь сад и к сроку быть дома.

Ленин идет не торопясь и издали замечает детей. Они разбрелись по склону в поисках первых цветов. Это ребята из детского сада, созданного на территории Кремля. На многих пальтишки, сшитые из старой одежды родителей, стоптанная обувь. Ленин не раз встречался с ними. Некоторых знает по имени.

Дети тоже заметили Владимира Ильича и зашумели.

— Ленин! Ленин! — кричали одни.

— Где Ленин? — спрашивали другие.

— Да вот он, гляди... Вон...

Пока одни уточняли, где Ленин, другие уже бежали к нему навстречу, размахивая букетиками цветов.

Детский шум нарастал, усиливался.

— Здравствуй, Ленин!

— Здравствуйте, Владимир Ильич! — кричала маленькая Маша, пытаясь протиснуться к Ленину.

Дети окружили Владимира Ильича, и его не стало видно.

Где же Ленин?

А Ленин, оказывается, нагнулся к Машеньке, кричавшей громче всех.

Научно-популярный журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Подхватив девочку обеими руками, Владимир Ильич приподнимает ее над головой. Тормоша Машеньку в воздухе, он громко смеется. А детям того и надо. Они от восторга заливаются смехом: рады!

Опустив Машеньку на землю, Ленин приподнимает маленького Алешу. Тот доволен не меньше Маши, визжит от радости. Другие дети кричат наперебой:

— Подними меня!

— И меня!

— Ленин, и я хочу на руки!..

Десятки детских ручонки тянутся к Владимиру Ильичу. А он больше никого не поднимает, не тормошит. Расставив широко добрые руки, Ленин показывает жестами, что готов обнять всех, прижать к своему сердцу. Но ему нужно уходить.

Ленин пытается выйти из окружения. Дети не пускают его.

— Мне пора! — оправдывается Ленин.

— Не уходи! — кричат все разом.

— Не могу, меня ждут!..

А дети так расшалились, что не отпускают от себя Ленина.

Наблюдавшая за этой картиной воспитательница сказала строго:

— Дети! Ребята! Владимир Ильич спешит. Его ждут. Завтра вы снова встретитесь...

Дети успокоились и расступились.

Прощаясь, Машенька подарила Владимиру Ильичу единственный цветок мать-и-мачехи.

Ленин охотно взял его. Остальные дети тоже протянули ему свои цветы.

— Спасибо! Спасибо! — отвечал Владимир Ильич каждому, принимая подарки.

У Алеша цветов не было. Он протянул Ленину веточку тополя. Ее клейкие, смолистые почки благоухали.

— Возьми! — попросил робко Алеша.

— Спасибо, дорогой! Спасибо!..

Вернулся Владимир Ильич домой, а Надежда Константиновна и Мария Ильинична, сидевшие уже за обеденным столом, на него с упреками:

— Володя!..

— Сколько можно ждать?..

— Не сердитесь! Не сердитесь, каюсь, виноват! Но случилось непредвиденное. А вот и доказательство!..

С этими словами Владимир Ильич передал Надежде Константиновне свой букет.

— Ты что ж, собирал в Тайницком саду цветы и поэтому задержался? — спросила с иронией Мария Ильинична.

— Нет. Это дети подарили. Они так атаковали меня, что я еле вырвался, — ответил смущенно Ленин.

Приняв цветы, Надежда Константиновна положила их на буфет и молча налила для Владимира Ильича тарелку супу. А он не сел за стол и, взяв букет, ушел на кухню. Вернулся и поставил на стол цветы в банке с водой.

Обедали, а на столе цветы. Вместе с ними — веточка тополя, подаренная Алешей. Цветы принесли в дом запах весны.

Ленин не любил домашних цветов в горшках. Кроме пальмы, что стоит в его кремлевском кабинете, никогда их не заводил. А полевые обожал. Не упускал случая собрать букетик. Даже в сибирской ссылке почти никогда не возвращался с охоты или прогулки без цветов для своей Надюши.

Приносил букеты лилий, которые растут в изобилии на склонах Саян. Или веточку азалии. Азалия бывает настолько нарядна, что из-за цветков не видно листьев.

После обеда Владимир Ильич ушел в рабочий кабинет и унес банку с цветами. Работая, он не раз поглядывал на них. А когда разговаривал по телефону, все время смотрел на подарок детей. Глядя на цветы, он постоянно улыбался. Видимо, вспоминал Машеньку, маленького Алешу, подарившего веточку тополя, и всех остальных ребятшек, которые окружили его и долго не хотели отпускать...

Цветы в банке скоро увяли, и их пришлось убрать. А веточку тополя Ленин оставил. Она только что начала распускать первые, нежные, еще влажные листочки. Владимир Ильич прикоснулся слегка пальцами к набухшим почкам и к листочкам. Потом растер клейкое, смолистое вещество, прилипшее к пальцам, и долго вдыхал его весенний аромат.

Каждый день в кремлевский кабинет Ленина приходили люди. Их много — десятки.

В небольшой светлой комнате с двумя окнами посетители видели письменный стол. На нем два телефона, лампу с зеленым абажуром, свечу на всякий случай, если погаснет электрический свет, чугунную фигуру Ковалю — подарок уральских рабочих, книги. Книг очень много. Они заняли два простенка, книги на четырех этажерках, книги на небольшой подставке у окна...

В рабочем кабинете главы государства решаются дела большой важности. И здесь же на столе среди бумаг — веточка тополя с нежными зелеными листочками. Ее заметили все побывавшие в эти дни у Ленина. Заметили и, пожалуй, запомнили на всю жизнь.

В кабинете Ленина было еще холодновато: Ильич не велел топить — не хватало дров. Ленин работал в пальто, накинутом на плечи. А людям казалось, что веточка тополя принесла в эту комнату не только нежный аромат. Она принесла сюда тепло весны, новые силы, радость и хорошие надежды...

В эти дни пришел к Ленину и Максим Горький. Глаза Владимира Ильича заблестели от радости. Он пошел навстречу писателю, протягивая вперед обе руки.

— Здравствуйте, Алексей Максимович! Здравствуйте, дорогой! Как хорошо, что вы зашли!..

Говорили о делах. Горький встал с кресла, подошел ближе к столу и склонился над веточкой тополя. Ленин поспешил к нему.

— Моя оранжерея!..

Взяв банку с зеленой веточкой, Владимир Ильич вдохнул ее аромат, потом поднес к лицу Горького и сказал:

— Как удивительно пахнет зеленью! А посмотрите на корешки. Какая сила жизни! Ведь корни отросли впервые здесь, в банке с водой. И теперь эта веточка будет жить. Может стать деревом!..

Горький ответил густым простуженным басом:

— Это чудесно. А вы помните толстовский татарник?

— Еще бы! Давно читал «Хаджи-Мурата». Но я и сейчас представляю у дороги куст татарника из трех отростков. Один из них оторван и, как отрубленная рука, торчит. На других двух — осталось по цветку. Цветки эти когда-то были красные, теперь почернели. Один стебель сломан, и половина его, с грязным цветком на конце, висела книзу; другой,

хотя и вымазанный черной грязью, все еще торчал кверху. Видно было, что весь куст не раз переехали колесами. А татарник поднялся и стоял боком, но все-таки стоял. Точно вырвали у него кусок тела, вывернули внутренности, оторвали руки, выкололи глаза. Но он все стоит и не сдается...

— Хорошо подмечено! — согласился Горький.

— Подобную картину мне лично довелось наблюдать однажды в деревне Кокушкино.

— А именно? — спросил Горький, желая, чтобы Ленин продолжил свой рассказ.

— В деревню Кокушкино меня сослали, как вам известно, за участие в студенческих волнениях Казанского университета. Случилось это в декабре. Зима была снежная, холодная. Домик моего деда, в котором я поселился с сестрой Аней, оказался ветхим, со щелями. Топить приходилось много. Сожгли не один воз дров... И среди них попало кривое, суковатое бревно. Я не раз принимался пилить и колоть его. Все напрасно. Пила не брала, топор отскакивал. Даже топориче сломал. Так мы и не сожгли полено, изуродованное пилой и топором. Оно осталось лежать у дома. Пришла весна. Про злосчастное бревно я, конечно, забыл. Однажды смотрю, а на нем зеленые ростки. Да много. Это поразительно: срубленное дерево продолжало жить!

— Срубленное долго не проживет!

— Не скажите. Я свое бревно сволрк в реку Ушню и утопил недалеко от мостика, с которого мы прыгали в воду. На том месте выросло сразу несколько деревьев. По сей день стоят они рошцей...

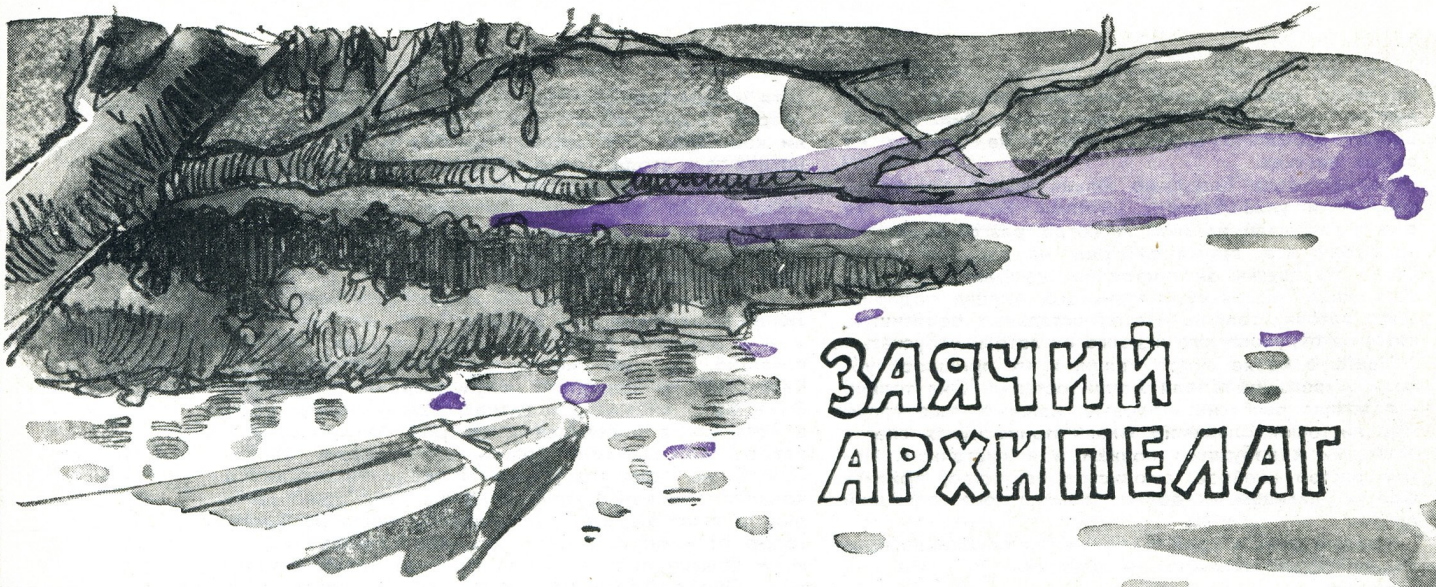
— И эту веточку следует высадить в землю. Тополь живуч не хуже татарника. Из нее тоже вырастет дерево, — посоветовал Максим Горький.

Тополь живуч!..

Однажды Ленин ехал за город и прихватил с собой веточку тополя. А там повстречал своих юных друзей из деревни Горки. Веточку торжественно посадили на берегу Пахры.

Вот и вся история о том, как из веточки тополя выросло дерево.

ЗАЯЧИЙ АРХИПЕЛАГ

А. СМОЛЬНИКОВ

Неделя сплошного дождя — это было слишком много даже для терпеливой Пенжины. Река побурела, стала заливать берега, смывая оставшиеся от паводка коряги, выворачивая деревья. Они плыли по стремнине еще зеленые, с неестественно задранными в небо скрюченными корнями. Временами плавник по-овечьи пугливо сбивался где-нибудь в заводях в тесные стайки, и тогда Пенжина несла мимо наших палаток не коряги уже, а целые острова. На них белели нарядные чайки, прогуливались толстые ленивые вороны. А однажды прямо к нашим палаткам подвернул совсем уже неожиданный турист. Его коряга остановилась на рейде, видно, села на мель, развернувшись на течении, и пассажир усталился на нас, высоко подняв длинные уши. Это был заяц.

— Вот так подарок! — засмеялся повар, берясь за весла.

Увидев приближающуюся лодку, заяц привстал на задних ногах, уши его зашевелились, будто он стриг ими воздух. Потом забежал по коряге. Повар стал подгонять руками лодку, пока, наконец, не схватил зайца за уши. Лодка направилась к берегу.

Я не заметил, что произошло раньше: успел ли повар вылезти из лодки на отмели, чтобы подтащить ее, или прежде почувствовал близость берега заяц. Во всяком случае, еще до того, как лодка коснулась дна, пассажир совершил вдруг такой акробатический прыжок, что повар только выронил весла от неожиданности. Он так и застыл там с глупой растерянной улыбкой, пока мы хохотали над его промахом.

Впрочем, бежать зайцу было некуда. Мы сами уже двое суток были островитянами. Косу затопило, и теперь там, за палатками, куда он шмыгнул, в кустарнике покачивались охапки намокшего хвоста, кружились рыжие хлопья пены. Сконфуженный повар поискал его там с мелкокалиберкой, но заяц был не так прост, чтобы, спрыгнув со сковороды, тут же попасть на мушку.

Коса наша, еще недавно большая и ровная — мы специально нашли такую, чтобы удобнее сесть вертолету, — становилась с каждым днем меньше и меньше. Сначала она, как я уже говорил, превратилась в остров, а потом и остров этот распался на множество едва выступающих над водой каменистых или песчаных бугорков. Мы стали кочевать с бугорка на бугорок. Каждое утро складывали палатки и спальники в резиновые лодки и где вброд, где на веслах отправлялись искать новое убежище. О зайце решили — утонул, где там спастись бедняге. Бугорки были низкие, маленькие, и какой из них надежнее, знала одна Пенжина. Но у нее ведь не спросишь.

Однажды мы проснулись на атолле. Когда мы ставили палатки, был еще вполне приличный остров — на нем даже кустик рос. Но за ночь вода поднялась, и на том месте, где с вечера домовито горел костер, утром голубела лагуна. Посередине ее нелепо торчали кольца с чумазым чайником и кастрюлей на перекладине, возле них, как туземные пироги, кружились головешки.

На вертолет мы уже не надеялись; все равно ведь ему сесть было бы теперь негде, но и косу оставлять не хотелось: не век же будут дожди.

Так мы кочевали от острова к острову, пока не отыскали тот, который уж определенно был самым высоким: он остался один, последний — груда песка посреди реденьких, дрожащих на быстрине кустиков. Но выбора не было.

Мы занялись устройством лагеря. Кто перетаскивал снаряжение, кто ставил палатки, а повар пошел за дровами. Остров наш оказался не таким уж заброшенным — у самой воды и выше повсюду на песке были следы: торопливые, в елочку, по самой кромке разбегались дорожки куликов, выше солидные, впришлепку треугольники — их оставили гуси. А где-то совсем на бугорке, там, где песок был посуше, обнаружили, как уверял повар, следы зайца. Повар вызвался поискать его, но было не

до охоты: вода все время поднималась, и мы принялись перепаковать вещи, чтобы можно было оставить кое-что здесь, развесив по деревьям, если придется все-таки покинуть и этот остров...

Ночью перед палатками горел костер. Было еще темно, когда я вышел на дежурство — присматривать за прибывающей водой.

Лодки наши, спокойно плававшие вечером в уютной гавани, прибило к берегу. Я проверил, не надо ли подкачать их, но они были тугие, как мячи. Возле костра лежала мелкокалиберка. Это повар положил ее здесь для дежурного, чтобы была под рукой, если покажется заяц. Я подбросил дров в огонь, согрел чаю, уселся с кружкой у костра. Было тихо. Только потрескивали в огне дрова, дзенькали комары да где-то на заломе глухо шумела река. Ее почти не было видно. Она лишь угадывалась в редящих сумерках — не река даже, а что-то большое и безостановочное хлопало там, в тумане, встряхивало затопленный ивняк и ольховник, тащило пену.

Я сидел и наблюдал, как начинается утро. Далеко, вверх по реке, там, где, расплываясь во мраке,

темнел не то близкий, не то далекий мыс, и потом выше и, наверно, еще дальше уже начала желтеть, просветляться над мысом узенькая полоска. Я сходил за плавником для своего огня, а когда вернулся к костру, полоска там, над мысом, совсем прояснилась. Будто приподнял кто-то штору и заструился свет. Уже тлели крошки ночных облаков, совсем не мутных и бесформенных, как полчаса назад, а четко обведенных чем-то горячим. Пока я рассматривал их, помаленьку начала наливаться красным, прорисовываться и кромка мыса — зубчатые вершины темного тальника, а потом над мысом налилась малиновым заря. И желтая моя полоска стала уже не желтой, а зеленоватой, и облака над ней, как непогасшие угли на ветру, замерцали ало, рассыпались жаркие и дробные. Потом подумало-подумало, потянулось лучами, как руками, и выглянуло из-за мыса солнце. Светлое-светлое — хорошо выспалось, наверно, и решило подсушить, погреть землю сразу за всю ненастную неделю...

Было так хорошо, что я забыл и про мелкокалиберку и про самого повара, которого надо было давно уже разбудить. Но я решил: спать мне уже не хотелось — пусть он поспит. Натаскаю еще дров про запас, а потом уж и разбужу.

Остров наш за ночь основательно уменьшился. Еще вчера сухая тропка, по которой мы ходили за дровами, оказалась в нескольких местах под водой. И по мере того как я переходил вброд лужи, я думал не о дровах уже, а об этом рассвете — таком щедром и красивом, и о зайце: где он теперь?

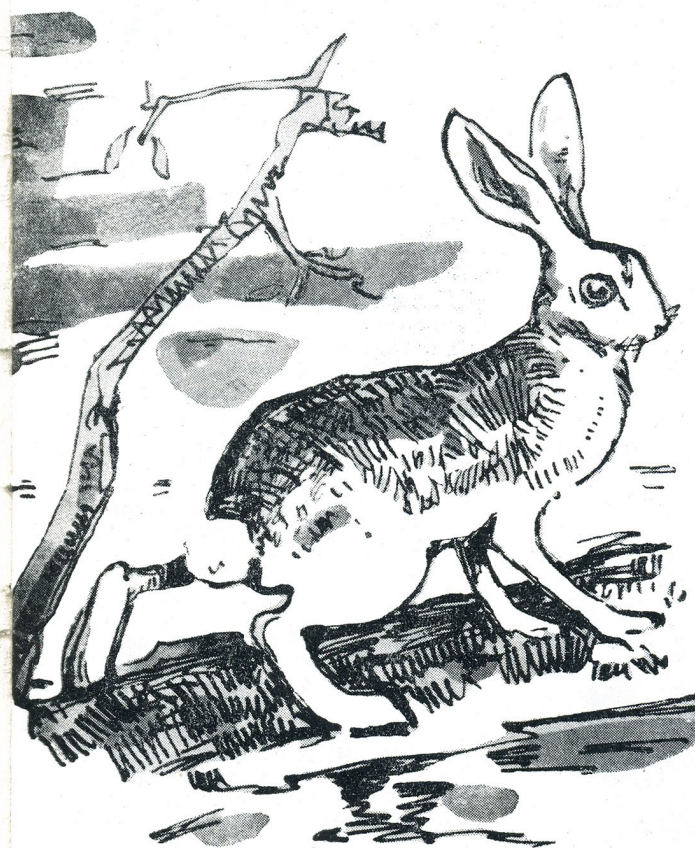
Над кустарниками кружили, казалось купались в воздухе, чайки, копошились в ветвях какие-то хлопотливые птицы, семеня по корягам трясогузки, а зайца не было. Только одна зеленая между тоненькими тростинками тальника, акварельно отливала вода, смывая с желтых пятачков суши последние заячьи следы...

Я наткнулся на него, когда уже шел обратно, с дровами. Там, в стороне, чуть видный за кустарником, был еще один сухой пятачок. Я бы и не заметил ничего, если бы не халеи. Они белели там, толстые и ленивые, на солнечной отмели, точно куры, выклеывая суевившихся у них под ногами в прозрачной воде мальков. Халеи шумно поднялись, а он, заяц, заметался, засуетился на своем островке, но ему бежать было некуда.

Заячье сердце, оно билось, оно прямо-таки выпрыгивало из груди — я чувствовал его сквозь штормовку, маленький, еще живой и беспомощный комочек страха... Я вспомнил о мелкокалиберке, на которую так рассчитывал повар, и улыбнулся: чудак! И мне стало весело оттого, что он, наш заботливый повар, совсем не учел, что утро будет такое хорошее и доброе.

Коряга нашлась сама собой — где-то далеко и давно вывороченный кражистый ствол тополя с обломанными бескорыми сучьями. Я вывел его на течение и оттолкнул подальше вглубь. Заяц беспокойно привстал на нем и прядал ушами. Он ничего не понимал, длинноухий, вероятно приготовившийся уже к самому худшему. Он только видел, должно быть, как шевелилась, плескалась бурая — у самого ствола — вода, как поворачивался с палатками, с лодками, с костром и уходил все дальше, дальше берег — корягу поворачивало течение. Он увидел это и привстал там, на коряге, шевеля высоко вскинутыми ушами и веря и не веря еще, что дорога его продолжается...

Рисунок Л. Громова

Горилла.

Мармозетка.

Бамбуковый медведь.

Шотландский пони.

Человека всегда поражали животные-гиганты и животные-карлики. Посмотрите на фотографии. В Африке обитает горная горилла, которая весит до 200 килограммов, ее рост 2 метра, а обхват бицепсов — 65 сантиметров. В то же время в лесах Южной Америки живет самая маленькая из обезьян — мармозетка, из семейства игрунгов. Она редко достигает более 25 сантиметров.

В зоопарках часто можно видеть маленького пони, но настоящий шотландский пони еще меньше. Он легко проходит под брюхом у своего родственника — лошади.

Люди, впервые встретившие большую панду, не задумываясь, назвали ее бамбуковым медведем. Бамбуковым потому, что панда обитает в бамбуковых лесах Китая, а медведем — так как

Малая панда.

внешностью и ростом он мало уступает нашему бурому мишке. Когда же впервые исследовали скелет этого животного, то оказалось, что он родственник не медведя, а скорее американского енота. А ведь по сравнению с ним большая панда — настоящий гигант.

Когда говорят об антилопах, подразумевают легкое стройное животное средней величины. Но мало кто знает, что в Африке рядом уживаются как антилопы-гиганты, вроде антилопы канны, не уступающей по величине породистому быку, так и антилопы-карлики, величиной с зайца. К последним, например, относится маленькая антилопа дукер.

Многие звери и птицы получили названия за свою величину. Обитающего в морях южного полушария тюленя назвали морским слонем. Шутка ли, три тонны веса достигают самцы этих животных!

Немало гигантов и среди пресмыкающихся и насекомых.

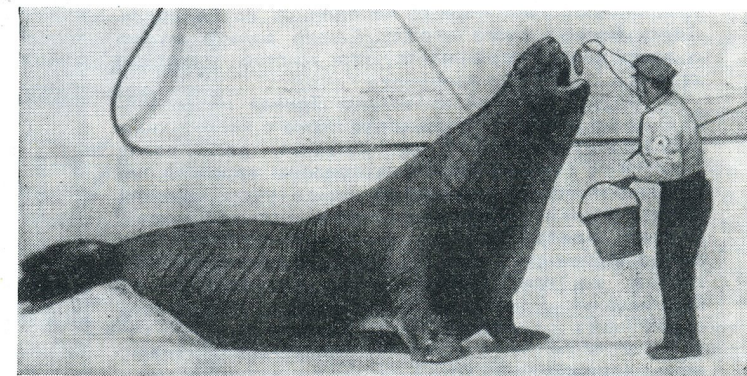
Серого варана можно смело назвать гигантом среди ящериц. Но поставьте его рядом с вараном с острова Комодо, и он будет выглядеть очень маленьким. Ведь гигант имеет 4,5 метра длины, тогда как самый большой серый варан достигает 1,5 метра.

Мы привыкли считать пауков с пятикопеечную монету уже громадными. Интересно, какими же нам покажутся пауки величиной с чайное блюдце, обитающие в тропических лесах!!

А. ЩЕГОЛЕВ

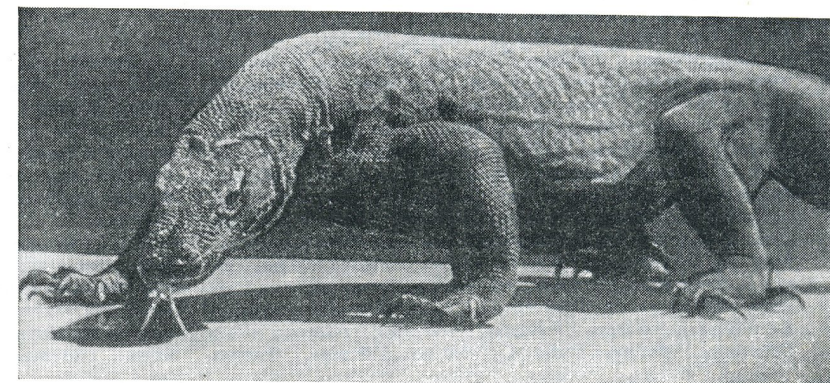

Антилопа дукер.

Морской слон.

Варан с острова Комодо.

В назначенный день и час к причалу, где стоял наш корабль, подошли две машины. Это были советник мэрии м-р Соуден с супругой и корреспондент местной газеты, который решил сопроводить нас в поездке на ферму в Янчеп-парк.

И вот мы в пути. Дорога сначала идет берегом Лебединой реки. Когда-то здесь водились черные лебеди, сейчас же ничто, кроме названия, о них не напоминает. Пронесимся по чистым современным улицам столицы штата Западная Австралия — города Перта. Но вот за окнами машины мелькает светлый эвкалиптовый лес.

Август — это конец австралийской зимы, а погода напоминает нашу раннюю осень — бледно-голубое небо, нежаркое и неяркое солнце. Днем совсем тепло, вечерами холодно. Серые стволы эвкалиптов, их серебристо-голубая листва делают лес непохожим на наши зеленые тенистые дубравы. Тут и там покачивают лохматыми верхушками-снопиками очень странные растения — «травяные деревья». Их невысокий черный, как бы обугленный ствол неожиданно оканчивается зеленым пучком травы. Здесь все необычно для человека, впервые попавшего сюда из северного полушария.

Перед нами гостеприимно распахиваются ворота Янчеп-парка. Это участок того же эвкалиптового леса, только слегка окультуренный. Идем по усыпанным гравием дорожкам мимо обширных загонов, где среди травы и кустарника пасутся кенгуру, мимо вольер с австралийскими попугаями, мимо прудов, где плавают стаи черных лебедей. А вот и коала. Здесь больше всего народу. Около вольер шумно и весело, несмотря на то, что многие животные спят.

Подходим к одной из вольер. Тонкая металлическая сетка огораживает участок парка с несколькими эвкалиптами, которые, как известно, дают коала «и стол и дом». У деревьев спилены вершины, но оставлены многочисленные толстые сучки: крепкие развилки — излюбленные места отдыха зверей. Сначала их трудно было разглядеть, потому что серые шубки сливались со светлыми стволами эвкалиптов, но, приглядевшись, мы насчитали около 20 животных. Почти все коалы спали, угнездившись в развилках, опустив на грудь круглые ушастые головы и обхватив их лапами. Мамы-коалы спали, нежно прижимая к груди серых пушистых детенышей. Коалы ведут ночной образ жизни, и лишь некоторые, изредка просыпаясь, питаются и днем.

Внизу под деревьями сооружен большой куст из свежих ветвей эвкалиптов — это «столовая» зверей. Посередине куста, утопая в зелени, сидел важный, невозмутимый коала и, притягивая к себе лапами то одну, то другую ветвь эвкалипта, объедал листья. Ел он не спеша, относясь к этому делу с полной серьезностью и не обращая ни малейшего внимания на царившее вокруг вольеры оживление. А именно он и веселил публику.

Редкий человек, увидевший коала, останется к нему равнодушным. Этот симпатичный, беспомощный и смешной зверь пользуется самой большой любовью австралийцев.

Коала называют еще сумчатым, или австралийским медведем. Действительно, своей медлительностью, неуклюжестью, толстым телом коала несколько напоминает нашего медведя, только маленького. Большая круглая голова, которую делают еще большей лохматые округлые уши, посажены на плотное короткое туловище. Густой теплый мех, пепель-

но-серый на большей части тела, переходит в чисто белый на подбородке, груди, животе, внутренней стороне ушей и лап. Оранжевые глазки с вертикальным узким зрачком кажутся маленькими для такой широкой морды. Но особенно странным выглядит черный кожаный нос, который делает этого зверька очень смешным и похожим на мягкую детскую игрушку.

Поражает необычайное для млекопитающих строение конечностей. Они напомнили мне лапу попугая или пестрого дятла: два внутренних пальца резко противопоставлены трем остальным. На задних же лапах только один внутренний палец, на котором, кстати сказать, нет когтя, противопоставлен осталь-

ПЛЮШЕВЫЙ ВЕРХОЛАЗ

Ю. ФИЛИПОВА

ным четверем. Своей удивительной цепкости, своему искусству лазать по деревьям, в котором коала достиг высокой виртуозности, он обязан прежде всего такому особенному строению лап.

Узнав, что в парк приехали русские ученые с «Витязя», администрация направила к нам своего сотрудника м-ра Джексона, и мы получили разрешение войти внутрь вольеры.

Разбуженные нашим приходом коалы зашевелились. Спавшая ниже всех самка с малышом на коленях решила перебраться повыше — подальше от непрошенных гостей. Проснувшийся малыш перелез к ней на спину и уже оттуда с любопытством стал нас разглядывать. Он был такой смешной, такой

трогательный, что мне захотелось взять его на руки, и я попыталась снять малышку со спины матери. Но это оказалось невозможно. Он так крепко вцепился в ее шерсть, что оторвать его я не смогла. К тому же и мама и «ребенок» громко выражали свое возмущение сердитым хрюканьем.

Яркие вспышки магия, громкий разговор, смех, хрюканье встревоженных зверей напугали другого медвежонка, который спал в материнских объятиях на соседнем дереве. Проявив страшную энергию, он стал копать на животе у нее, и вдруг на наших глазах его голова и полтуловища исчезли в сумке. Извиваясь, он пытался влезть туда весь.

— Эй, приятель! Куда же ты? Большой ведь, не стыдно ли тебе? — смеясь, сказал служитель и, повернувшись к нам, добавил: — Ему уже полгода, и к этому времени малыши обычно оставляют материнскую сумку, а этот вот испугался и вспомнил о своем недавнем убежище.

От «приятеля» остались снаружи только две маленькие лапки с розовыми пятками, которые так и не поместились в маминой сумке.

Служитель снял с дерева дремавшего взрослого коала и протянул его мне.

— Берегитесь только его когтей! Видите, они довольно внушительные. Держите его за все четыре лапы. Коалы по натуре незлобивы и пускают в ход когти и зубы лишь в крайних случаях. Попав в трудное положение, звери единственно, что пытаются сделать, — это залезть как можно выше. Вас он тоже может принять за дерево, и тогда придется туго.

Мой коала сначала вырывался из рук, но постепенно успокоился и затих. Отпустив его лапы, я прижала мягкого зверя к себе, и, пока мы разговаривали с хозяевами парка, он заснул, доверчиво обняв меня за шею.

А разговаривали мы об особенностях этих зверей, их происхождении, образе жизни.

— Коала неправильно называют медведем, — начал свой рассказ наш собеседник м-р Джексон. — Кроме некоторого внешнего сходства, между ними нет ничего общего. Среди представителей своеобразной фауны сумчатых коала самый интересный, самый привлекательный и, как ни странно, наименее изученный зверь. Многие стороны его биологии остаются до сих пор неизвестными. Относительно его происхождения и его родственных связей известно еще меньше, и на этот счет среди ученых нет единого мнения.

Коала похож сразу на нескольких сумчатых зверей, принадлежащих к разным группам. В то же время у него есть и свои особенности, присущие

лишь ему одному. Так, у него есть черты общие с кус-кусами — небольшими сумчатыми животными, ведущими древесный образ жизни. Кус-кусы так же питаются растительной пищей, у них общий характер строения зубов и конечностей, что, вероятно, явилось следствием одинакового образа жизни этих животных. Но если начать детально их сравнивать, то невольно бросаются в глаза некоторые странные несовпадения: у кус-кусов есть длинный цепкий хвост, который очень полезен древесным животным, а у коала вместо хвоста только маленький, едва заметный отросток! Сумка у самок кус-кусов (место, где происходит вынашивание детенышей после рождения) открывается вверх, чтобы детеныши не могли выпасть из нее при лазании самки по деревьям, а у коала вход в сумку направлен книзу. Эти и некоторые другие признаки позволяют предполагать, что его предки жили на земле.

В Австралии есть еще растительноядный сумчатый зверек вомбат, который живет в норах и никогда не лазают по деревьям. Оказалось, что у коала много общего с вомбатом. Ученые, подробно изучив строение коала и вомбата, пришли к выводу, что эти животные, по-видимому, произошли от общего предка.

Всю свою жизнь коала проводит на деревьях — эвкалиптах и спускается на землю лишь изредка, затем, чтобы перебраться на другое дерево. Спуск на землю имеет и еще одну причину — предчувствие смерти. Рождаются и живут коалы на деревьях, умирают же только на земле.

Малыш кенгуренок нашел себе хорошего друга.

— Скажите, пожалуйста, м-р Джексон, откуда произошло это странное, по крайней мере для нас, русских, название зверя — коала? Оно что-нибудь означает?

— Это имя зверек получил не случайно. Так называли его коренные жители Австралии. На их языке «коала» означает «не пить». В этом имени сказалась большая наблюдательность австралийцев. Коала действительно почти не пьет воды, довольствуясь, по-видимому, росой и влагой, содержащейся в листьях эвкалиптов.

— А сколько же эвкалиптовых листьев съедает один взрослый зверь?

— Ест коала не так уж много, но все же в сутки ему нужно не менее килограмма. А по объему это целая гора зеленого корма!

— Нам говорили, что в Австралии растет более 400 видов эвкалиптов. Это правда?

— Да, это верно. По-видимому, австралийский континент справедливо считается родиной эвкалиптов.

— Вероятно, это изобилие эвкалиптов и объясняет ту теснейшую связь коала с этими деревьями. Ведь коала питается только листьями эвкалиптов?

— Да, конечно. Но из всего великого многообразия эвкалиптов коала употребляет в пищу лишь немногим более 10 видов. И даже из них в основном они едят листья лишь 2—3 видов. Коала, как видите, очень разборчив в пище. Самым любимым, без сомнения, можно назвать широко распространенный в Австралии манна-эвкалипт.

В питании коала еще много неясных, неизучен-

ных моментов. Вопрос этот, казавшийся сперва таким простым, обернулся куда более сложным, когда впервые начали разводить их в неволе: в зоопарках и на специальных фермах. Мы тоже испытали немало трудностей, пока не научились правильно кормить своих питомцев. В этом отношении нам помог опыт Мельбурнского зоопарка.

Когда к ним впервые привезли коала, сотрудники, зная, что эти звери предпочитают листья манна-эвкалипта и некоторых других, ежедневно приносили им листья этих деревьев, добывая их в окрестностях Мельбурна. Все теплое время года животные чувствовали себя прекрасно. Но вот в июне наступила недолгая австралийская зима. В это время коалы впадают в сонное состояние, которое нельзя назвать настоящей спячкой, — животные почти ежедневно просыпаются, чтобы поест. С наступлением холодов у них пропал аппетит, и они стали очень привередливы в еде. И что было самым странным — они совершенно перестали прикасаться к своей любимой пище — листьям манна-эвкалипта. Сотрудники зоопарка выбивались из сил, отыскивая самые молодые и нежные побеги этого эвкалипта. Но все было напрасно. И вскоре звери один за другим начали спускаться на землю. Что это означало, в зоопарке уже знали. Все звери погибли.

Через два года в этот же зоопарк доставили новую группу коала. Помня печальную историю и не желая ее повторения, сотрудники с наступлением зимы предлагали зверям как можно более широкий выбор эвкалиптов. Коалы капризно вынюхивали побеги и листья, прежде чем съесть их. Выбирали каждый раз те виды, которые в теплое время года они совсем не ели, любимую пищу оставляли нетронутой. Более того, из веток эвкалиптов, сорванных с одного дерева, некоторые оставались совершенно нетронутыми, другие же объедались дочиasta. На этот раз зима окончилась благополучно. Постепенно звери пришли в нормальное состояние и вернулись к своей обычной пище. Теперь везде, где их разводят, в трудную зимнюю пору им стараются предложить самый широкий выбор эвкалиптовых листьев.

— И что же все-таки было причиной гибели зверей?

— Трудно сказать. Сейчас все больше склоняются к той мысли, что молодые побеги некоторых эвкалиптов зимой содержат ядовитые для животных вещества. Живя на воле в лесу или в заповедниках, звери сами отыскивают нужную им пищу и избегают вредных для них видов. Находясь же в неволе и не имея другого выбора, коалы вынуждены есть то, что им предлагают. В результате зверьки ослабевают, болеют и в конце концов погибают. Теперь вы понимаете, почему ни в одном зоопарке мира нет этих зверей. Ведь для этого нужно было бы сначала вырастить целые рощи эвкалиптов по крайней мере десяти видов!

Новорожденный коала появляется на свет очень маленьким, меньше 2 сантиметров, и весит всего 5 граммов! И вот это голое, слепое и совершенно беспомощное существо сразу же пускается в свой первый самостоятельный путь. Цепляясь крошечными, слабыми лапками за шерсть, движимый одним лишь инстинктом, он медленно ползет в сумку матери. Очутившись там, отыскивает сосок и берет его в рот. Здесь и кончаются пока все его активные действия. Сосок от притока молока набухает настолько, что выплюнуть его малютка уже не в силах. Полагают, что новорожденный так мал и слаб, что

сам сосать еще не может, и кормление происходит помимо его воли. Непроизвольным сокращением мускулатуры молочных желез время от времени самка впрыскивает ему молоко прямо в глотку.

К концу второго месяца детеныш вырастает настолько, что может уже по собственному желанию выпустить изо рта сосок и снова присасываться к нему. Когда малышу становится больше трех месяцев, то в отверстие сумки можно видеть, что он уже покрылся шерсткой, а иногда оттуда свешивается маленькая краснопятая лапа. Достигнув 4-месячного возраста, детеныш становится более подвижным и смелым, временами он высовывает из своего убежища голову и лапы, отваживается даже совершать первые путешествия вокруг матери. В дальнейшем он все чаще и чаще выходит погулять и посидеть на коленях у нее. Однако голод и холодные ветры заставляют его снова забираться в «детскую». Наконец наступает такое время, когда подросший медвежонок уже с трудом втискивается туда. Пятимесячный пушистый серый комочек, достигший в длину 25 сантиметров, навсегда прощается с уютной и теплой колыбелью.

Днем, когда животные спят, детеныш нежится в материнских объятиях, а в сумерки перебирается к ней на спину. В этом положении он чувствует себя спокойно и уверенно даже, если мать взбирается на вершину дерева или перепрыгивает с сучка на сучок. Так проходит время до года. Теперь маленький коала начинает вести самостоятельный образ жизни. К четырем годам он становится совсем взрослым, достигая в длину 50—60 сантиметров и веса до 14 килограммов. Живут коалы до 20 лет.

Медленно увеличивается число сумчатых медведей, ведь они приносят одного детеныша раз в два года. Изредка можно видеть самку с двумя малышами, но это объясняется тем, что самки охотно «усыновляют» покинутых детенышей.

— Почему сейчас приходится разводить сумчатых медведей на специальных фермах?

— Когда-то коалы были чрезвычайно многочисленны в эвкалиптовых лесах Восточной Австралии (в штатах Виктория, Новый Южный Уэльс и Квинсленд). Сокращение их количества началось одновременно с колонизацией Австралии в конце XVIII века.

С появлением белого человека коалы приобрели жестокого и беспощадного врага. Колонизаторы начали сводить эвкалиптовые леса. Тысячами убивали зверей ради густого и теплого меха, а подчас и просто ради спорта!

На них охотились и раньше — коренные жители Австралии, которые употребляли в пищу их мясо. Но разве может сравниться голый австралиец, вооруженный бумерангом, с тысячами «цивилизованных» охотников с дальнобойными ружьями, ведущими не охоту, а истребление.

Беззащитные и доверчивые животные не могут убежать или спрятаться и становятся чрезвычайно легкой добычей. И эти животные были начисто уничтожены в двух восточных штатах — Виктории и Уэльсе. Квинсленд оставался последним прибежищем, где коалы еще сохранялись. Однако в 1927 году правительство объявило «открытый сезон». 10 тысяч охотников уничтожили большую часть коала и в этом штате.

Наконец стало ясно, что коалы скоро вообще могут исчезнуть с лица земли. И тогда же, в 1927 году, с большим запозданием в Австралии был введен запрет на охоту этих животных и принята програм-

ма по восстановлению их запасов. Эта программа выполняется и по сей день.

К счастью, небольшие колонии коала уцелели от разгрома, но было ясно, что без помощи людей эти малоподвижные и медленно размножающиеся звери не смогут сами заселить широкие пространства эвкалиптовых лесов. Были организованы заповедники и фермы, где стали их разводить. Когда число животных в заповедниках увеличивается, то часть их перевозят и выпускают в заранее намеченные районы.

Нам пора было уезжать и нужно было расстаться с моим медведем. Я подошла к дереву, посадила на нижнюю ветку сонного зверя и в послед-

ний раз погладила его. Он открыл глаза, посидел в оцепенении минуту-другую, а потом полез вверх по стволу и скрылся в сумраке ветвей.

Простившись с хозяевами Янчеп-парка и поблагодарив их, мы пошли к машине.

На следующее утро «Витязь» был уже в море. Я вышла на палубу. На горизонте еще синела узкая полоска земли.

Мы прощались с Австралией!

И я вспомнила, что м-р Гриффин, председатель западноавстралийского общества дружбы «Австралия — СССР», говорил нам, что эмблемой этого общества скоро будет большой русский медведь, пожимающий лапу маленькому австралийскому.

На вкладки: Коала.

Фото автора

НАШ ВЕСТНИК

ФАБРИКА ВИТАМИНОВ

На дворе еще лежит снег, а у нас в теплой комнате в ящиках, заполненных питательным минеральным раствором, зазеленели ячмень, овес и горох. Посеяли мы их по заданию колхозных животноводов. Кто не знает, как нужны коровам, телятам, свиньям витамины. А разве найдешь витамины лучше, чем свежая зеленая подкормка, выращенная гидропонным способом!

Много ли можно вырастить зелени в одной ком-

нате? Много. Прошлой зимой мы отвезли на колхозные фермы 400 килограммов сочных, душистых кормов. Нынче мы передадим колхозу кормов еще больше. Недаром поэтому доярки называют нашу зеленую лабораторию «фабрикой витаминов».

Антон КВИР

Поречская средняя школа
Брестской области

ПОЧЕМУ ОНА НЕ ЖЕЛТЕЕТ?

У нас во дворе растет грушевое дерево. Груша давно уже осыплась, но одна ветка зеленая. На стволе она самая нижняя и даже не желтеет. Посылаю вам фотографию дерева. Ответьте, пожалуйста, почему произошло такое?

Аня БОЛДЫРЕВА, ученица Дубовской
средней школы Ростовской области

Письмо Ани Болдыревой мы передали ученому, специалисту по лесоводству. Вот как он ответил на Анин вопрос:

Дорогая Аня!

Прежде всего я очень рад, что ваши школьники и ты, Аня, такие любознательные и хотите знать причины интересных явлений, происходящих в природе, не проходите мимо них равнодушными, — это очень хорошо!

Теперь о самой ветке, которая до ноября одна на всем дереве оставалась зеленой.

Эта ветка, насколько я понял

по присланной фотографии, привита к стволу груши от дерева другого сорта, более южного происхождения, где лето и осень более продолжительны и листва остается на ветках долгое время. Что эта ветка привита к дереву, видно по белой повязке, сохранившейся на стволе у основания ветки. Так ли это, можно проверить, тщательно осмотрев дерево, ветку и повязку.

Желаю тебе и твоим друзьям хороших успехов в учебе.

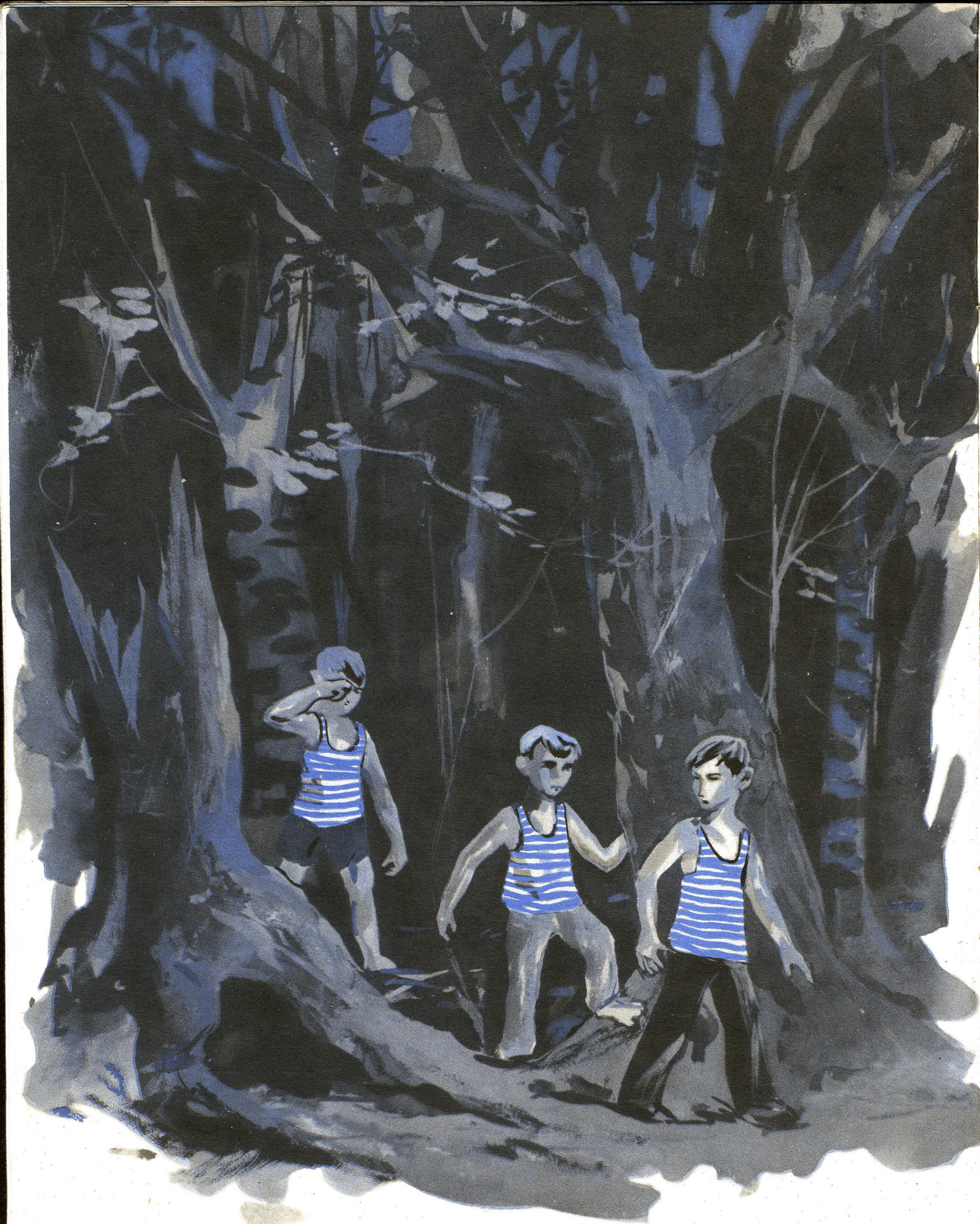
С. М. МАРУКЯН, старший
научный сотрудник

Листая
Бремя

Вы как хотите, а на медведя я все-таки похож!

ПОВЕСТЬ

А. КОРКИЩЕНКО

Гриша почувствовал комок в горле. В эту минуту, откровенно говоря, ему было тоже наплевать на всякие тайны, земные и космические.

Яша хрипло, будто давился чем-то, проговорил:

— Веня, возьми себя в руки... Нам страшно потому, что мы ничего не знаем. Если бы мы знали всех зверей, какие тут живут, мы бы ничего не пугались... Это же не ведьма. Ведьмы только в сказках... Ну, не плачь.

Тот продолжал плакать. У Гриши судорожно сжалось горло.

Тогда Яша сказал сурово (однако было заметно, как дрожал его голос: разве ему было легко?):

— Ты человек все-таки образованный... В пятый класс перешел. Другим мальчишкам было по десять лет, а они партизанили, в разведку к фрицам ходили... Не плачь... Ну, не укусил же он тебя. Только полизал... Подумаешь, как страшно!

Веня перестал плакать. У Гриши пропал комок в горле, и он свободно задышал.

— Давайте поьем воды, — предложил Яша, — мозги посветлеют, а то они замутились от страха. Мне отец об этом говорил.

Попили. Верно говорил Яшин отец: и мозги посветлели, и в глазах прояснилось. Успокоившись, стали думать, где бы переночевать.

— Тут где-то есть хутор, — сказал Гриша. — Давайте найдем его и там переночуем. За поворотом реки будет тропинка, она выведет на дорогу, а дорога идет в хутор.

— Я устал, — сказал Веня. — И страшно. А если мы опять наскочим на кабана или опять на такого, как в шатре...

— Ты боишься, я тоже боюсь, — ответил Яша. — Но я пойду: мне не хочется, я боюсь, а пойду. Помнишь, как мы договорились закалять волю...

— Вот мне страшно, а я не боюсь, — заявил Гриша.

Продолжение. Начало в № 1, 2, 3.

3 «Юный натуралист» № 4

Уговорили Веню, уговорили самих себя. Двинулись вдоль реки по узкой песчаной кромке к невидимому повороту реки, где, по предположению Гриши, должна быть тропинка, ведущая в лесной хутор.

У воды было светлей, чем в лесу. Им не хотелось сворачивать в настороженную лесную тьму. Но пришлось. Там, где ерик загибался влево, Гриша повернул направо в лес. Прошли метров триста в полной темноте, ощупью отыскивая дорогу в затившейся чаще. Тропинка исчезла.

Над их головами вдруг хрипло закричала птица и, сорвавшись с ветки, тяжело затрепыхалась в кустах. Они, схватившись друг за друга, замерли, затаили дыхание.

Просыпались хищные обитатели Старого леса. Где-то гулко заухал филин.

Они осторожно, цепочкой двинулись дальше.

Внезапно крупная тень встала на их пути. Жутким холодом повеяло от нее. Гриша остановился. Ему показалось, будто сверкнули зеленым огнем чьи-то глаза... «Волк!» От волнения свирепо зачесалось в носу... Он судорожно вздохнул и с ревом чихнул.

— А-апчи-хи-хи-хи-хи! — раскатисто пронеслось под темными шатрами огромных деревьев. Яша и Веня вскрикнули от неожиданности.

Чихнув, Гриша посмотрел вперед — никакой тени не было. Возможно, после чиха посветлело в глазах, а может быть, и был волк, но от испуга убежал.

— Как лошадь, чихаешь, — сказал Яша недовольно.

Но после чиха все повеселели.

Пройдя еще несколько сотен шагов, Гриша сказал растерянно:

— Вот тут должна быть дорога, а ее нет...

— Точно знаешь, что именно здесь? — спросил Веня.

— Не точно знаю, — ответил Гриша. — Пойдемте напрямки.

Пошли «напрямки» и примерно через час, исцарапавшись о колючие кусты, вышли на берег какой-то реки.

— А когда мы с бабкой шли, речки не было до самого луга, — удивился Гриша.

Толосать чудак

— Ты это точно знаешь? — опять спросил Веня.

— Точно, — заверил Гриша.

Стали совещаться, как найти дорогу к болоту.

— Дядя Вася высадил нас с бабкой у этого поворота ерика, — не очень уверенно сказал Гриша.

— А ты точно знаешь, что высадили именно у этого поворота? — спросил дотошный Веня.

— Припомни, что ты тогда видел на берегах ерика, — посоветовал Яша. — Ну, какие приметы? Подумай, а мы с Веней пока отдохнем.

Гриша стал думать. Он глубоко прочувствовал свою вину и был полон решимости вернуть расположение команды «Звездной каравеллы». Тяжелые мысли охватили его... Воображала!.. Тоже мне штурман... Блуждал по Старому лесу, как слепой котенок; тыкался во все углы, пока не уперся в Желтый ерик... Ты заблудился на крошечном клочке своей родной планеты, а что ты стал бы делать в гигантских дебрях Венеры?! Ты стал бы пла-

кать и кричать «мама!». Тебе уже пошел одиннадцатый год, а ты до сих пор не научился читать звездную книгу, не знаешь даже звездной азбуки. Не понимаешь, что шепчут деревья, травы, цветы... Если бы ты понимал их разговоры, ты бы нашел и север и юг... Сколько земных тайн, и ни в одну ты не посвящен. Где сейчас север? Ты не знаешь ни одного созвездия, кроме двух медведей. Медведиц сейчас не видно за лесом. Так где же север? Скажи, что это за созвездия горят в узком лесном ущелье — над рекой? Ты не знаешь. Ты ничего не знаешь!.. Но ты должен все это узнать. И чтоб никогда не забыл этого позора перед Яшей и Веней. Тебе уже одиннадцатый год, а ты все еще как младенец, который сосет соску...

Вначале от растерянности в голове у него ничего не вырисовывалось, ни одной картины... Потом он сосредоточился и вспомнил... Бабка пела «Светит месяц на стодесять, а солнышко на сто пять...». И тогда Гриша крикнул ей: «Смотри, смотри, птицы в норках живут!..» Да, да, он запомнил белый береговой обрыв. Он весь продырявлен норками — гнездами береговых ласточек. Берег никуда не денется. За тем обрывом поворот и тропинка...

Гриша рассказал Яше и Вене об этой путевой примете, выцарапанной из памяти с огромным трудом.

— Так, — сказал Яша. — Белого обрыва с норками мы еще не пробегали... Веди!

И Гриша снова повел. Следующий поворот реки был вправо. А им нужен левый поворот. Грише уже стало казаться, что он опять что-то напутал. Но вот перед ними выросла белая стена крутого берега, продырявленная норками-гнездами. Река уходила влево. Все верно.

— Здесь! — облегченно сказал Гриша и свернул на едва приметную тропинку, уходящую вправо, в лес.

Теперь ему до мелочей вспомнилась дорога на луг, где он собирал с бабкой цветы. Значит, они должны пересечь поляну, посреди которой росли два огромных дуба. Мимо проходит дорога. Она выйдет за лес и свернет вправо. Налево будет низина, поросшая кустами. А за ней снова начнется лес, а там — хутор.

Гриша вел верно, пока не вышли на полянку, на которой росли дубы. Но здесь вместо одной дороги оказалось две. Дороги, как всегда, шли в разных направлениях. Гриша свернул на левую. Почему-то именно она показалась ему правильной. Пошатываясь, они поплелись по ней.

— Уже близко, — подбадривал Гриша.

Дорога вдруг вильнула влево и пропала. Лес кончился — и перед ними засветлела какая-то речушка. Гриша похолодел: никакой речушки по правилам не должно быть. Он мужественно протопал сотню метров и остановился. Под босыми ногами зашелестела стерня скошенной травы. Никаких признаков дороги он не обнаружил.

Яша и Веня хотели побить Гришу, но не было сил не только драться, но даже ругать его.

Ночь была на исходе. На востоке светлело небо. Пригнувшись, Яша огляделся. Неподалеку темнела невысокая копна. Они, спотыкаясь, добрались до нее. Закопались в сено и в ту же минуту уснули.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

+ По следам + Дед Кириша делает предположение, что Яша, Гриша и Веня ночевали вместе с его старым приятелем медведем Пантелеймоном Пантелеймоновичем + Нюрка интересуется пострадавшими от Драного Барона +

Нюрка торопила:

— Скорей, да скорей же! А то они уйдут далеко, попробуй тогда догнать их. Еще заблудятся. Они же тут ни разу не были.

Выйдя к реке, все остановились. Как-то странно пахло здесь. Вроде бы кипятком белье шпарили.

Кириша гмыкнул недоуменно. Гмыкнул и Витяша.

То, что открылось за осиновой рощей, поразило их. Неведомая гигантская метла смела деревья, росшие по берегам реки. Некоторые были вырваны с корнем и отброшены в сторону. Ветви могучих дубов, осокорей обломаны — белые изломы светлели в темно-зеленых кронах, как кости. Листья на кустах и прибрежных деревьях висели, словно выстиранные и вывешенные для просушки детские лоскутки.

Кириша сорвал несколько сморщенных листьев, понюхал. Они пахли так, будто их действительно мыли горячей водой.

— Да, угадал я вчера — метеор упал в воду. Ошпарило деревья... Так было однажды, когда я воевал с турками. Забыл в каком году...

Постояли, поахали, поговорили, вспоминая, какие камни падали в прошлом веке в Старый лес. Но разве Нюрку интересовало это?

— В те времена покрупней камни падали, — задумчиво сказал Кириша. — Все раньше крупнее было: что звери в лесу, что люди...

Нюрка крикнула:

— Да пойдём же скорей!

Старики заторопились.

Солнце высоко поднялось над лесом, стало жарко. Так хотелось Нюрке кинуться с разбега в реку, но было не до того.

— Гляди-ка, Аннушка, следы... — обрадовался Гришутка. — Три пары детских ног.

— Вчерашние следы, — добавил Витяша. — Купались они в речке, потом, видно, грелись — бегали.

— Откуда ты знаешь, что они купались и бегали? — удивленно спросила Нюрка.

— Топтались — следы глубокие... А вот от капель песок скатался в шарики.

Кириша азартно потер сухие руки:

— Молодцы, хвалю. Все правильно.

Его самого очень заинтересовала тропинка, уходящая от реки в лес к огромному дубу, ветви которого были заплетены хмелем. Он внимательно присматривался к едва различимым следам на тропинке.

— Эге! — пробормотал он недоуменно. — Да никак тут Пантелеймон Пантелеймонович обжился... И ребята бегали здесь... Пойдем со мной, Аннушка, а вы узнайте, куда ведут следы с берега.

Кириша ввел Нюрку в шатер. Когда глаза при-

выкли к желто-зеленому сумраку, она увидела на подстилке чей-то берет.

— Дедушка, а ведь это Яшин берет, — проговорила она.

— Вот тебе на! — изумился дед. — Неужто Яша, Гриша и Веня ночевали с Пантелеймоном Пантелеймоновичем! Тут ведь его кубло... Смотри, Аннушка, сколько медвежьей шерсти... А ведь отчаянные мальчишки твои друзья, Аннушка! Первый раз попали в Старый лес и уже ночуют вместе с медведем. Конечно, с ним не страшно, зверь он ласковый, сам не обидит своих гостей и никому в обиду не даст... Дела-а!..

— Да не может быть, чтобы они стали ночевать с Пантелеймоном Пантелеймоновичем, — возразила Нюрка. — Побоятся.

— Боялись аль нет, а ночевали вместе, — сказал Кириша. — Тут ошибки не может быть.

— А может, он уже тут не ночует...

Рисунки А. Нечаева

— Как бы не так: дух медвежий в шалаше еще свежий, сегодняшний.

Нюрка, разумеется, никакого духа, кроме запаха хмеля, не чувствовала.

Кирюша в размышлении потеревил сизую, всегда стоявшую торчком бороду. Они обошли дуб в поисках еще каких-либо следов Гриши, Яши и Вени и наткнулись на кошевик со следами медвежьих когтей на коре.

— Ай-яй-яй! — Кирюша огорченно развел руками. — То-то я недосчитывался одного кошевика... Ах ты, старый проказник Пантелеймон Пантелеймонович! Унес, облезлый, не пожалел лесных пчелок, соблазнился медком... А кошевик-то ведь еще почти пустой был. Мало ли я тебя кормил медком, негодяй ты этак! Почитай, каждую неделю по доброй миске. А я-то, старый пень, думаю, куда это запропастился приятель?.. Он ведь, ласонька, сторожил Веселого Музыканта. И вдруг пропал!.. Нашкодил, мошенник, и боялся мне на глаза показаться...

— Я тебя сто раз уже просила рассказать, кто такой Веселый Музыкант! — крикнула Нюрка. — А ты все умалчиваешь...

Дед, будто бы не слыша ее крика, продолжал: — Не жалко мне кошевика... Ладно уж... Жалко, что Пантелеймон Пантелеймонович покинул Веселого Музыканта, боялся, видно, что я найду его там и начну ругать да стыдить... Оставил он Веселого Му-

зыканта беззащитным, и тогда Драный Барон привел туда свою разбойничью семейку и погубил его... Ай-яй-яй!

Дед поохал. Трудно ему было перенести гибель Веселого Музыканта. Успокоившись, сказал внучке:

— Не знаю, о чем ты меня спрашиваешь, Аннушка... Старенький я, забываю все, что говорю... А говорю, бывает, что на ум взбредет. Уж ты не сетуй на старика за его бредни... Возьми, Аннушка, Гришутку да иди домой, устала ты очень... Да готовься с Феклушей приветить гостей. Чувствую, много гостей сегодня будет у нас. Так и скажи Феклуше.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

+ Воровская вылазка на юннатскую плантацию + Девчонки берут в плен Яшу, Гришу и Венью + Дорога испытаний мужества и воли + Медвежья страсть + Лесовик кричит: «Лови их и топи в речке!» + Младший сержант Снежко выходит на тропу с ищейкой Альфой +

Гриша застонал во сне и проснулся. Болело все тело, будто его жестоко постегали веником из лозы. Саднило плечо. Во рту сухо, как в пустыне: одеревенелый язык, шершавый и жесткий, лежал в нем, будто сапожный рашпиль. Вспомнив ночные похождения, Гриша поморщился: штурманом он был неважным. Ну что ж, зато вел себя мужественно. Вообще-то не хотелось вспоминать о ночных тайнах и кошмарах Старого леса.

Он потянулся и, приподнявшись, осмотрелся в радостном изумлении. Солнце поднялось, и над рекой и голубой долиной истаявали белые кулиги тумана. Там, дальше, за долиной, темно-зеленым морем плескался лес и над ним розовели далекие шапки горных вершин. Все вокруг было проникнуто таким теплом и миром, что Гриша подумал, уж не приснились ли ему все эти ночные ужасы.

Он растолкал Яшу и Венью.

— Вставайте, посмотрите, где мы.

Яша тотчас проснулся, посмотрел вокруг и улыбнулся.

— Красиво ка-а-а!

Венья долго хмурился, не хотел раскрывать глаза, толстые губы его капризно кривились. Минут пять он сидел на копне, тупо уставясь сонными глазами в пространство, потом его глаза ожили, приобрели осмысленное выражение, он тоже улыбнулся, но совсем по другому поводу.

— Там огород! Смотрите...

За речкой в небольшой долине, где дотаивал туман, виднелась огородная плантация, небольшая, но чистенькая и аккуратная.

Венья засунул палец в рот. Поковырял в зубах и сказал:

— Зуб шатается, цинга, наверное. Нужно овощные витамины: огуречные, помидорные, редисочные.

— А что, это мысль, — сказал Яша. — Давайте проверим грядки.

— Воровать? — настороженно спросил Гриша.

— Воровать, — кивнул Яша.

— А если поймут?

— Поймают — поколотят, — убежденно сказал Яша.

Венья подумал и сманеврировал:

— Яша, я думаю, что мы можем вполне обойтись без овощных витаминов.

— Испугался, — презрительно произнес Яша.

Гриша, услышав «поймают — поколотят», ощутил тревожный холодок на сердце и противную дрожь в ногах. Но решил идти навстречу опасности, побороть страх... И притом сильно хотелось есть.

— Я пойду, — сказал он.

— Как хочешь, — протянул Яша и посмотрел на Венью, — я не приказываю, каждый идет по собственному желанию.

— Яша, ну зачем ты так говоришь и на меня смотришь? — взмолился Венья. — Я иду, конечно, по своему желанию.

Они переплыли через неглубокую речку и засели в кустах недалеко от плантации.

— Знаете что, — сказал Яша, — мы заходим на огород как свои, не прячемся. Ясно? Все равно в огурцах не спрячешься. Ходим и собираем витамины спокойно, как будто это наш огород. И никто не подумает, что мы воры... Понимаете?.. Ну пошли...

Яша, насвистывая веселый мотивчик, пошел в помидоры. Гриша, выкручивая руками и ногами немислимые кренделя, потанцевал к огуречным грядкам. Венья, заложив руки за спину и выпячивая живот, важно пошагал к редиске.

Юннатки (это был их огород), отдыхавшие под деревом, сначала оторопели от великолепной наглости полосатых оборванцев, которые по-хозяйски разгуливали на их чистеньких грядках. Когда же оторопь прошла, они с гневными криками «Жулье! Держи их! Лови!» кинулись к ним.

Яша, Гриша и Венья, отлично войдя в роль «своих на огороде», даже удивились, увидев бегущую к ним орду девчонок.

Они не дрогнули, не побежали. Во-первых, от девчонок было стыдно бежать, во-вторых, не хотелось убегать с пустыми руками.

— Будем драться! — крикнул Яша и толкнул одну юннатку.

— Не надо! — крикнул Венья.

Но было уже поздно. Юннатка крепко залепила ему в ухо. И началась драка. Рыжая, полная девчонка, насев на Гришу, отобрала у него флакон с Травяным Князем. Гриша с диким визгом вывернулся и, бешено атаковав девчонку, отнял у нее Травяного Князя и сунул за пазуху. Гриша так был свиреп и разъярен, что девчонка в страхе бросилась бежать. Однако численный перевес был на стороне юннаток. Они смело и дружно набросились на воров, свалили их и, заломив руки за спину, связали лентами и поясками от платьев.

Девчонки приволокли их к телеге, на которой стояла огромная бочка, и, получше разглядев жуликов, расхохотались: тельняшки у них были нарисованы на майках масляной краской.

После возмущенного сорочьего стрекота и нотаций худенькая боевая юннатка прочитала им приговор:

— Жулики, которые забрались на юннатскую плантацию с целью похищения огурцов, помидоров, капусты...

— Мы не козлы и капусту не крали, — обидчиво перебил судью Венья.

— ...редиски, морковки, присуждаются привезти вот эту бочку воды... — Судья извиняющимся тоном добавила: — Насос поломался, а все сохнет, мы возили, возили воду — заморились, теперь вы повозите, раз вы жулики. Понятно?

— Чтоб мы воду возили! — воскликнул Яша оскорбленно. — Не выйдет! Мы не лошади.

— А мы заставим вас! — пригрозила судья.

— Попробуйте!

— Девочки, привяжите их к телеге!

Девочки схватили их, надели веревочные лямки им на шею. Но жулики легли на землю, задрав ноги.

— А дальше что? — спросил Яша.

— Ага, — сказала судья, — если вы не станете возить воду, мы вас отведем к нашему милиционеру — пенсионеру дяде Косте. А он выбьет из вас все воровство.

Яша поднялся, ошеломленный неожиданным поворотом дела. Сказал смущенно Грише и Венье:

— Ну, раз мы воры, то должны привезти воды и заодно испытать свое мужество и волю. Сможем ли мы сами вытащить телегу с бочкой вон на тот пригорок? — Он показал в сторону речки, от которой дорога круто поднималась к плантациям.

— И докажем девчонкам, что мы не слабаки и не боимся трудностей, — сказал Гриша.

— Подумать только, девчонки возят на нас воду, — вздохнул Венья. — Кошмар!

И сыны Земли Яша, Гриша и Венья с серьезными лицами впряглись в телегу.

Телега с пустой бочкой сама катилась к речке, но оттуда с бочкой, полной воды... Она тянула их назад, а они тянули ее вперед, упирались ногами и руками в дорогу.

Когда «конвой», жалея их, стал подталкивать телегу, Гриша гордо крикнул им:

— Мы сами! Не лезьте!

Было видно, что они здорово закалились за последние три дня. Они падали, но поднимались. Сгибаясь до самой земли, как бурлаки, одолевали метр за метром. Лямки больно врезались в плечи, но они держались стойко.

Тяжело дыша, Яша, Гриша и Венья остановились посреди плантации. Бочка с водой была доставлена без помощи юннаток. Дорога испытания силы и воли была пройдена с честью.

Девчонки удивленно переглядывались: таких чудаков, да еще в полосатых майках, им еще не приходилось ловить на своем огороде. Они распрягли Яшу, Гришу и Венью, взмокших и дышащих, как загнанные лошади, и сказали:

— Можете отправляться на все четыре стороны.

— Ну, не-ет, — протянул Венья. — Без овощных витаминов мы не уйдем. — Он раскрыл рот, поковырялся пальцем в зубах. — Цинга... Видите, зуб шатается?

Однако это не растрогало огородниц.

— Идите, идите, откуда пришли, — ответили они.

— Бессовестные вы жадины! — сказал Яша. — Мы залезли в ваш огород нечестно, но работали мы честно. А что мы съели... кукиш с маслом?..

Ни огуречика, ни помидоринки. Заплатите нам, ясно?

Юннатки посоветовались между собой, и так уж и быть — дали им шесть огурцов, шесть помидоров и пучок редиски.

— Приходите каждый день, — сказали они на прощанье.

Яша и Гриша молча оценили юмор юннаток. Но Веня бросил сердито:

— Сами возите воду, обойдемся без ваших витаминов.

Рыжая полная девочка сказала:

— Ой, девочки, у того длинного флакон с какой-то травкой за пазухой.

— «С какой-то травкой»... — презрительно передрознил ее Веня. — Да если бы ты знала, что это за травка, ты бы ахнула!

— Покажите, — попросила худенькая судья.

Гриша крепко прижал флакон к животу и изговори́лся бежать, но Яша сказал ему:

— Покажи, не бойся.

Гриша вынул флакон из-за пазухи.

Юннатки сгрудились вокруг него.

— Вы не знаете, где она растет? — спросил Яша. — Кто-нибудь видел ее здесь в лесу?

— Не знаем. Не видели никогда, — отвечали юннатки. — А что это за травка?

— Лекарственная, — ответил Гриша. — От сердца, от почек, от живота...

И привязал флакон к поясу.

— Мы ищем лекарственные травы, — сказал Веня и показал девочкам язык.

— Подумаешь, лекари...

Юннатки разочарованно отошли от Гриши.

— Ну, пока, — Яша помахал рукой. — Ничего вы не понимаете.

И они ушли, грызя овощи на ходу.

— Поищем Травяного Князя у этой речки, вдоль нее пойдем до большой реки. Потом там будем искать, — предложил Яша. — Внимательно смотрите.

К полудню они вышли к Желтому Ерику.

— Смотрите! — вдруг радостно закричал Веня. — Такая же штука, как у шатра, на дереве висит. Там есть мед!

Постояли у дерева и, раскрыв рты, поглазели на кошевик, подвешенный на суку.

— Знаете что, — сказал Яша. — Я залезу на дерево и сброшу улей на землю, а вы наломайте веток и, как только пчелы начнут вылетать из него, убивайте их. Потом мы утащим улей подальше в лес и наедемся меду до отвала.

Так и решили. Гриша и Веня наломали веток в обе руки, а Яша забрался на дерево.

— Ну, сбрасывай, — нетерпеливо сказал Веня. — Мы готовы.

Яша уперся в ствол спиной и, поднатужившись, ногами толкнул кошевик вниз. И не успели Гриша и Веня как следует размахнуться ветками — с дерева вслед за кошевиком с воплем свалился Яша. Золотые, зло жужжащие ленты пчел выхлестнулись из кошевика и набросились на них. Яша, Гриша и Веня дико заплескали на месте. И тут случилось такое, что даже рассказывать страшно: вдруг из-за дерева выпрыгнул тот самый сивый маленький лесовик и огромный, как медведь, бородач.

Лесовик крикнул:

— Хватай их и топи в реке!

Бородач бросился на них, сгреб в охапку и кинулся в воду.

И тогда строгий душераздирающий крик «Спасите! Караул!» потряс тишину Старого леса.

А сивый лесовик весело пританцовывал на берегу и хохотал:

— Ах, умники-разумники, захотелось им медку! Надо было сначала заткнуть летку, а потом спустить кошевик на землю и утопить в реке. Не догадались!.. Ха-ха-ха!.. А теперь топи их... Ха-ха-ха!

...Спустя примерно два часа к этому месту прибежал младший сержант милиции Снежка с ищейкой Альфой. Альфа жалобно заскулила, вытянув морду к воде.

— Одно из двух: или они утонули, или переплыли на тот берег, — растерянно сказал Снежка и стал раздеваться.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

+ Яша, Гриша и Веня знакомятся с колдуном Старого леса + Разговор, полный недомолвок + Догадка Гриши +

Они перестали кричать «караул!» лишь тогда, когда бородач окунул их в воду. В воде не очень-то покришишь. Это они уже знали из опыта.

И вдруг Яша, Гриша и Веня почувствовали, что бородач отпустил их. Надежда на спасение вытолкнула их из воды, но в ту же секунду они сами, без всякого принуждения нырнули: пчелы, кружившиеся над речкой, набросились на них.

Бородач тоже сидел под водой. А того маленького, видно, не трогали пчелы. Он стоял на берегу и весело кричал:

— Не вылезайте из воды, разбойники, пока пчелки не успокоятся!

И тогда до них дошло, что бородач не топил их, а спасал от обиженных пчел.

— Ну, теперь можно, улетели пчелки! — наконец прокричал лесовик. — Вылезайте, не бойтесь! Гриша, Яша и Веня выбрались на берег, настороженно косясь в сторону бородача. Их лица сильно вспухли от пчелиных укусов.

Дедок пристально оглядел ребят. Глаза у него маленькие, быстрые, голубенькие, как лесные цветочки синюшки. Взгляд мягкий.

— Здравствуйте, Гриша, Яша и Веня, — радушно сказал он. — Добро пожаловать в наши края, отважные мореплаватели, прибывшие к нам на бревне.

Как он все о них узнал?

Колени у них задрожали мелко-мелко. Дедок-то действительно оказался всамделишным колдуном.

— Вы лесовик? — спросил Яша напрямик и отступил, готовясь в любое мгновение задать стрелка.

Дедок хитро сощурил голубенькие глазки, погрозил пальцем и не ответил на вопрос.

— Как вы узнали, кто мы, откуда и что с нами случилось по дороге?

Дедок подмигнул им:

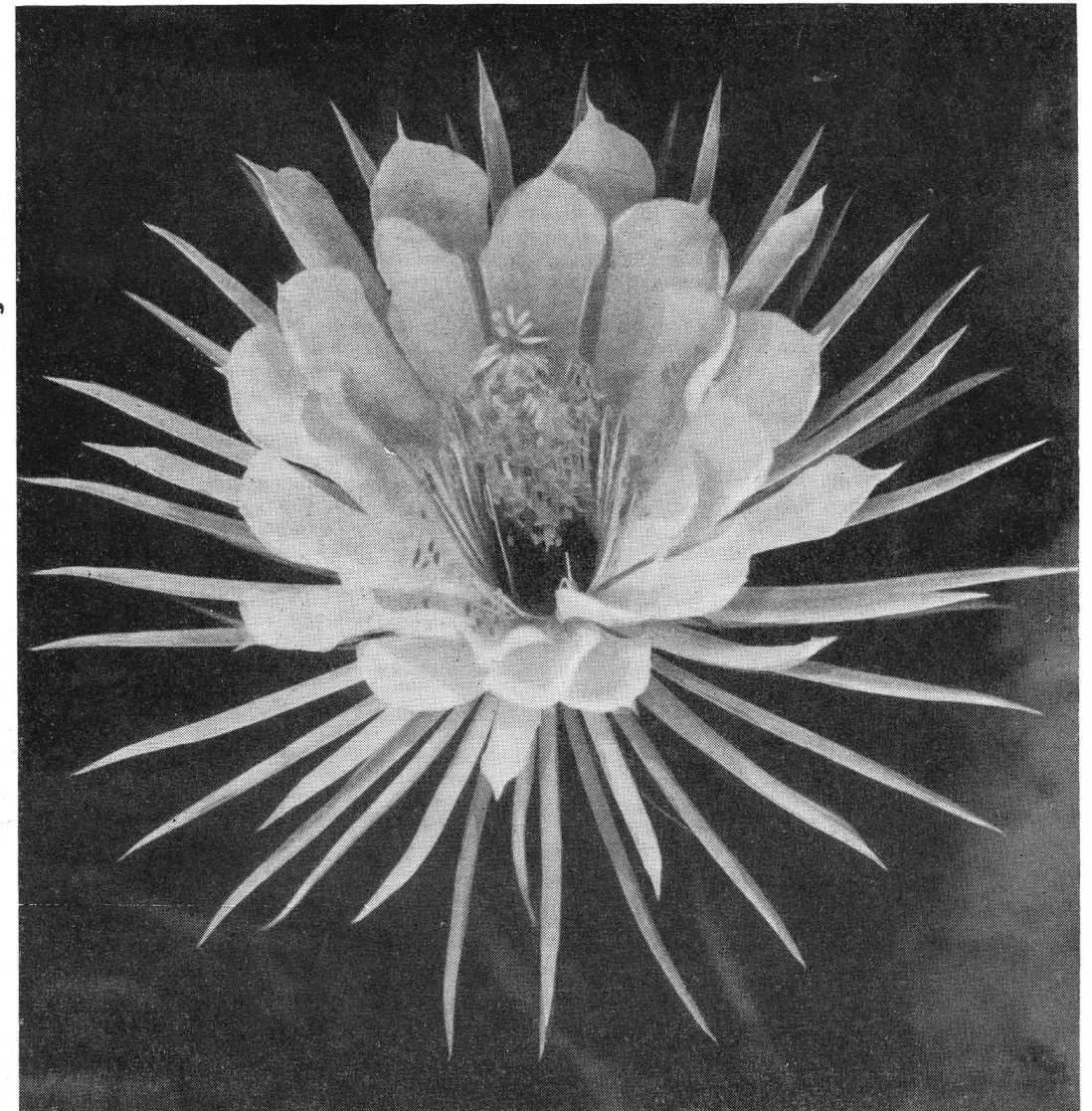
— Я все знаю... И знаю, что вы ночевали с медведем, а потом испугались и убежали... берет потеряли... Все знаю, потому что я колдун!

Бородач, стоявший рядом, ухмыльнулся.

Ребята не могли ни слова вымолвить, лишь вращали глазами.

В Ботаническом саду МГУ Селени цереус не цвел уже несколько лет. И вот однажды ночью дрогнул бутон, и, словно лучи света, разбегались лепестки белоснежного цветка. Двадцать шесть сантиметров его диаметр! Но недолго радуется кактус своим цветением, всего несколько ночных часов. Поэтому и называют его «Луным» или «Царицей ночи».

Растет Селени цереус в тропических лесах Кубы, Ямайки, восточной Мексики.

Гриша испытывал желание рассмотреть странного дедка через лупу. Он даже сунул рукой в карман, чтобы достать ее, но не хватило смелости на это, да и не освободился он еще от оцепенения.

Неожиданно повернувшись к Грише, лесовик цапнул маленькой сухой рукой флакон, голубенькие глазки его беспокойно забегали.

— Ты зачем носишь эту травку в склянке? — спросил он настороженно.

Гриша струхнул. В голосе лесовика ему послышалась угроза. Он ответил, едва шевеля непослушными губами:

— Да-а... та-ак... про-осто...

— Ой, не просто! — сказал дедок. Его рассеянные голубые глазки, казавшиеся сумасшедшими, гипнотизировали Гришу. — Где ты ее взял?.. Отвечай.

— Мы-ы... в мо-оре нашли, ко-огдаплы-ыли, — нараспев от страха проговорил Гриша.

— И вы интересуетесь, где она растет? Ищите ее? — быстро спросил лесовик.

Яша и Веня мрачно переглянулись: и это колдун узнал! И Яша пошел на выручку Грише. Он решил действовать смело: была не была.

— Вы знаете эту травку? Как ее называют? Где она растет?

Дедок растерялся, сразу же потерял интерес к Травяному Князю и зашебетал:

— Кто ее знает, ребятки. Разве мало травок на свете... Травка как травка...

А бородач все ухмылялся.

Яша и Веня подумали примерно одно и то же: «Не знает Травяного Князя... А еще колдун!»

Гриша имел другое мнение. Внутреннее чутье подсказывало ему: дедок должен знать тайну Травяного Князя, ему должно быть известно, где он растет. Иначе почему же он так встревожился? Или он тоже не знает, где растет загадочное растение и хотел выпытать у них?.. Было над чем поразмыслить.

Лесовик затопал по песочку вдоль ерика. Они растерянно смотрели ему вслед. Он оглянулся, поманил их рукой:

— Айда со мной, ребятки. Ласонька обрадуется. Лесники мы, а не лесовики... Я дед Кирюша, а это вот Витяша.

«Какая такая Ласонька обрадуется?» — недоумели Яша, Гриша и Веня.

Старый лес был по-прежнему полон тайн с изыском.

Настороженные и необычайно заинтересованные, они пошли за удивительным дедом Кирюшей и Витяшей.

В лесу было тепло, пахли цветы и травы, весело заливались птицы. Дед Кирюша тоже был весел. Погромыхая резиновыми сапогами, он говорил без умолку, бросая взгляды на Гришу.

— Хорошо в Старом лесу! Все поет, веселится, играет. Вот живу, живу и никак не наживусь... Пасечник я. Медок собираю. А вот Витяша и Гришутка леникуют тут, лес стерегут...

Всю дорогу Яша, Гриша и Веня держали рты открытыми. Было чему удивляться. Яша не удержался, спросил:

— Дедушка Кирюша, сколько вам лет?

— Не знаю, ребятки, — ответил тот. — Может, сто. А может, сто тридцать... Забыл я.

Гриша неотрывно следил за Кирюшей. Он замечал его косые взгляды и все более утверждался в своих догадках.

Лес распахнулся, и они вышли на поляну, залитую ярким солнцем. Под могучим дубом стоял просторный бревенчатый дом с крыльцом. За домом — сад, перед ним — палисадник с беседкой, увитой виноградом.

— Прошу в гости, полосатенькие, — сказал дедок.

Неожиданно из-за палисадника до Яши, Гриши и Вени донесся знакомый девчоночий голос. Они вздрогнули. Дед согнутым пальцем повел в сторону дома.

— Ласонька, внучка моя.

За деревьями палисадника мелькнуло светлое платье, и за ворота выскочила Нюрка.

Так это Нюрка — Ласонька!

Нюрка остановилась, пораженная. В первое мгновение она не узнала Гришу, Яшу и Веню — так сильно они изменились. Потом радостно кинулась им навстречу, и вместе с ней кинулись ее смешные, тоже радостные донельзя, короткие косички.

— Живые! Целые! — крикнула она и расплакалась.

А Яша, Гриша и Веня стояли молча, одеревенело, как истуканы с Полинезийских островов, врытые в землю.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

+ Как лечили Яшу, Гришу и Веню + Предсказание Кирюши сбылось — гостей полный двор + Радость бабки Оресты вызывает тревогу у Кирюши +

Яша, Гриша и Веня сидели на скамье в беседке и смотрели на мир, пальцами раздвигая распухшие веки.

Нюрка просто вся перекручивалась — так хотелось смеяться. И радостно было ей и смешно.

Кирюша принес полный пузатый кувшин с медом и поставил на огромный пен в беседке.

— Дедушка, вы нам расскажете про тайны Старого леса? — спросил Яша. — Нам встретилось в лесу много тайн, но мы сами не разгадали их.

— Расскажу, расскажу, — ответил Кирюша и покосился на Гришу. — Потом... А сейчас будете лечиться, полосатенькие. Медок — самое доброе лекарство от всех болезней. Наедитесь от пуза, и вся опухоль к утру пройдет.

Он поставил перед ними деревянные миски, полные душистого меда, и не дал им ни ложки, ни хлебной корочки, которой можно было бы тянуть мед. Сам стал в сторонке. Его очень интересовало, как они выйдут из трудного положения.

Веня покосился на Кирюшу сквозь узкие щелки опухших век и сделал попытку достать мед пальцем. Дед презрительно хихикнул. Нюрке тоже не удержимось захотелось похихикать. Однако удержалась от этого, так как боялась обидеть Веню. Гриша и Яша не менее растерянно поглядывали на свои соблазнительные миски, до краев наполненные пахучим прозрачным янтarem.

И они, наконец, догадались, что делать. Взяли свои миски обеими руками и спокойно, с достоинством

потянули мед через край. И не торопились глотать. Они ждали, пока мед растает и освежающей ароматной влагой растечется по всему рту, чтобы язык поплавал в ней и понежился, чтобы каждая клеточка языка и нёба напиталась ею и тонко почувствовала его. А когда глотнули, удивительное чувство покоя и наслаждения охватило их.

Они пили волшебное лекарство, держа миски у самого рта, поставив локти на шершавый пен. Так было удобней. Пили неторопливо. Торопиться им было некуда. Это они сразу почувствовали, как только попали в гости к Нюркиным родственникам.

Яша, Гриша и Веня не жадничали. Миски оставались полными. Кирюша не позволял им даже ополоснуть — все подливал из пузатого прохладного кувшина. Пили «от пуза» — пользовались случаем. Они не услышали, как сон, мягкий и пушистый, завладел ими. Они перестали видеть и слышать — и вдруг уснули, свалившись на мягкую шубу, предупредительно разостланную Кирюшей у пня.

Нюрка, присев около них на корточки, тихонечко посмеялась от радости, что видит их живыми. Они сейчас казались ей ужасно милыми и беспомощными мальчишками. Она осторожно притронулась к щекам Гриши — они были теплые, потрогала ленько его за ухо — оно было холодным. Она хотела укрыть одеялом спящих, но раздумала. Во дворе было тепло.

Кирюша, склонив голову набок, задумался, а Витяша и Гришутка, огромные, бородастые, сидели под дубом на крепко сколоченной скамье и широко улыбались, глядя на уснувших.

И тут во двор ворвался с собакой младший сержант Снежко, потный, распаленный.

— Яша, Гриша и Веня здесь? — тяжело дыша, с ходу спросил Снежко.

Дед Кирюша приложил палец к губам:

— Тс-с! Они спят.

Альфа, высунув язык, села, с любопытством разглядывая Кирюшу, а Снежко тихо прошел в беседку. Разглядывал спящих, удивлялся их виду.

— Да они ли это? — растерянно пробормотал он. — Похожи на калмыков... И вроде бы выросли, что ли... Да неужели это Гриша и Веня! И все-таки остались живые... Вот огольцы!.. Мне Кривоплясов сказал, что они бегают по Старому лесу...

Поговорив с дедом и попив меду, Снежко ушел. Его ждала машина на окраине леса. Вернувшись в город, Снежко сообщил родителям радостную весть. Его миссия была выполнена успешно.

К вечеру «Волга» с красным крестом развернулась у избы лесников и, раскрыв крылья-дверцы, выпала Изольда Марковна, Тихона Серафимовича, отца Яши и бабушку Орестею. Они скопом ринулись во двор, но Кирюша перехватил их и, таинственно грозя пальцем и повторяя «Тс-с!.. Тс-с!..», на цыпочках пошел к беседке. Гости тихонько последовали за ним, вытягивая шеи.

Яша, Гриша и Веня спали мертвым сном, богатырски раскинувшись на шубе. Родители как-то испуганно глядели на них. Они не узнавали своих сыновей.

Изольда Марковне показалось, что Веню подменили. Он вытянулся, стал тоньше и мужественнее. И почему-то лицом похож на калмыка. Впрочем, все они, неизвестно отчего, были похожи на калмыков.

Кирюша пояснил:

— Пчелки их покусали малость.

— Бедный ребенок, бедный ребенок! — заохала Изольда Марковна, собираясь заплакать.

— Не ребенок, но мужчина, — возразил Тихон Серафимович. — И успокойся, пожалуйста...

— Слабые тонут, сильные выплывают, — про себя сказал Яшин отец.

Бабка Орестея, проявляя необычный интерес к своему внуку, забралась в беседку, наклонилась над Гришей. Она увидела флакон и в нем Травяного Князя. И это не укрылось от Кирюши. Скрывая свою заинтересованность этой травкой перед ним, Орестея прошептала игриво:

— То внук мой. Храброе чертеня, все в меня. И в огне не горит и в воде не тонет. Я тоже такая была в молодости...

Кирюша, с тревогой приглядываясь к Орестею, хотел что-то ответить, но тут Изольда Марковна воскликнула с плачем:

— Сейчас же бери его в машину — и домой!

Кирюша петухом пошел на нее и строго шикнул.

— Нельзя трогать их. Они наелись медку и проснутся только завтра к обеду. Пусть побудут у нас, отдохнут, я их подкреплю медком. Никуда они не денутся теперь. Вернутся к вам живехоньки и здоровехоньки... Тут у них и подруга есть — Аннушка. А вы наезжайте проводить.

— Пусть остаются, — сказал Яшин отец.

— Вы им тут подкрутите гайки, — посоветовала бабушка Орестея.

Она была очень рада: Грише, родному ее внуку, дался в руки Травяной Князь.

Мама Вени поплакала и тоже согласилась оставить сына на попечение Кирюши.

С тем они и уехали.

[Окончание следует]

Кто из ребят не читал книгу Р. Киплинга о приключениях Маугли? Маленький мальчик случайно попал в волчье логово, но звери не растерзали его. Он вырос вместе с волчатами, подружился с ними. Много приключений выпало на долю Маугли во время его скитаний по джунглям. Мальчик изучил обычаи джунглей, научился понимать зверей.

Вероятно, каждый прочитавший эту увлекательную книгу задавал себе вопрос: что в ней могло быть правдой, а что вымыслом писателя? И конечно, большинство считало ее красивой сказкой. Однако это не совсем верно. Ученые знают немало случаев, когда дети были выращены дикими зверями. Детей находили в логове волков и леопардов, в стаде обезьян и даже в берлоге медведя. Один из таких случаев произошел в Индии одиннадцать лет тому назад. Ребенок, о котором пойдет речь, прожил с волками около года. Вот что удалось узнать о мальчике из джунглей.

МАЛЕНЬКИЙ ДИКАРЬ

Вечерело. Дождь, несколько часов ливший как из ведра, прошел, но порывистый ветер, время от времени проносившийся над джунглями, стряхивал с листьев крупные капли воды. На маленькую железнодорожную станцию, окруженную плотным кольцом непроходимых зарослей, вышла группа людей. Это были охотники, возвращавшиеся домой после многодневного похода. Один из них нес на руках завязанного в грязную тряпицу ребенка. Охотники рассказали, что нашли маленького мальчика в глухих джунглях, недалеко от волчьего логова. Они оставили ребенка на станции и поспешили уйти. Бедные люди очень боялись, что им придется забрать мальчишку с собой. Ребенок был очень болен и истощен, его нужно было лечить, а в семьях и так каждый кусок на учете.

Вокруг лежащего на пыльной земле ребенка собрались все служащие маленькой станции. Мальчик ничем не выражал радость, что вновь вернулся к людям. Он не шевелился, не произносил ни звука и, казалось, совершенно не замечал окружающих его людей.

Одна из женщин нагнулась, чтобы поднять мальчика с земли, но тотчас же отдернула руки, из прокушенного пальца капала кровь. Кто-то сбегал за едой, чтобы накормить ребенка, но он молча кушал и царапал протянутые к нему руки, отталкивал еду и ничего не брал в рот.

Люди отошли, чтобы дать ребенку успокоиться, оставив на земле миску с едой. Тщетно: малыш даже не притронулся к пище.

В БОЛЬНИЦЕ

Представьте себе, что вам понадобилось вымыться и остричь тигренка. Это была бы не легкая работа. Когда мальчика доставили в больницу, он вел

(Правда и сказки

себя, как дикий зверек. Отчаянно кусался и царапался, пока его мыли и стригли, и страшно напугался, когда положили на белоснежные простыни больничной койки. В джунглях мальчик нигде не встречал так много белого, и все необычное пугало его.

Ребенка назвали Раму. На вид ему было два-три года. Все маленькое тело мальчика покрывали рубцы и шрамы. Болезнь почти лишила его способности двигаться. Он не только не умел, но и не мог ходить, не мог передвигаться даже на четвереньках, только ползал.

Врачам, к которым доставили Раму, надо было решить три неотложные проблемы: лечить ребенка, наладить для него усиленное питание и приручить мальчика. Все это нужно было делать одновременно.

Нелегко заставить есть только что пойманного зверька. Хотя в этом случае известно, чем его кормить. А вот чем кормить Раму, врачи не знали. Все, что ему предлагали, мальчик отвергал. Ни мучные блюда, ни фрукты, ни сладости — ничто его не привлекало. Было уже принято решение организовать искусственное питание через зонд, введенный прямо в желудок. Но к этому прибегать не пришлось. Все-таки удалось найти пищу, от которой он не отказался. Это было сырое мясо.

Приручение Раму шло медленно. Ребенок унаследовал все повадки диких зверей. Он боялся света, панически боялся людей. Его нельзя было заставить лежать в кровати: мальчик стремился забиться под нее, в угол, где потемнее. Раму не давал

ДЖУНГЛЕЙ

о Маугли)

накрывать себя одеялом, пытался разорвать надежную на него рубашку.

Нужно было отучить Раму кусаться и царапаться, приучить не бояться людей. А он не только не разрешал до себя дотрагиваться и не брал из рук пищу, но даже не прикасался к еде в присутствии людей. Если же кто-нибудь входил в комнату, Раму тотчас забивался в угол. Злобный нрав ребенка очень мешал врачам. Нужно доктору осмотреть мальчика, массажистке сделать массаж или медицинской сестре инъекцию — приходилось звать санитаров, чтобы те держали опасного пациента.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Новорожденные дети совершенно беспомощны, они ничего не умеют. Все, чему им удастся научиться в первые годы жизни, позаимствовано от взрослых. Даже вкусы и привычки малышей зависят от окружающих людей. Воспитателями Раму были волки, но чему они могли научить мальчика?

На охоту его не брали, для этого он был еще мал и слишком болен. А около логова многому не научишься. Когда мальчик попал к людям, он умел немного. Волки научили его царапаться и кусаться, скалить зубы, находить по запаху мясо, по запаху определять врагов и друзей.

Научился Раму есть, пить и ползать, но делал это по-волчьи, а не по-человечески. Волчьи лапы служат зверю только для ходьбы, поэтому и мальчик ничего не умел делать руками. Когда он ел, то не брал мясо в руку, как делают это люди, а хватал пищу прямо с земли (в больнице, конечно, с тарелки) зубами. Пить из чашки, как люди, Раму тоже не умел; он лакал воду. Волки научили мальчика спать днем и просыпаться ночью, но они не научили его ходить на двух ногах и, разумеется, не научили говорить.

Приручение Раму шло медленно. Только месяца через три он перестал панически бояться людей и стал разрешать до себя дотрагиваться. Но даже служителя, который за ним ухаживал и которого Раму научился узнавать, он иногда мог укусыть или исцарапать.

Первое время в больнице Раму кормили только сырым мясом. Когда мальчик немного окреп, его стали приучать к вареной пище. Вскоре Раму уже можно было перевести на обычное питание, но все-таки сырое мясо он продолжал предпочитать любой другой пище.

Раму не только не умел говорить, но и не понимал человеческую речь. Все знают, что даже собаку можно научить откликаться на кличку и выполнять некоторые команды. Через несколько месяцев пребывания в больнице Раму стал узнавать свое имя, протягивать руку, когда ему говорили «на», и много позже на слово «дай». Еще несколько других слов усвоил Раму о еде, питье, прогулке. Это еще не значило, что мальчик понимал речь.

Так же как собака на команду «дай лапу» хотя и с готовностью подает ее хозяину, однако совершенно не понимает значений слов «лапу» и «дай». Если хозяин произнесет сходные по звучанию, но совершенно бессмысленные слова «вай папу» или «бай вапу», собака все равно протянет лапу. Для нее это обычный условный рефлекс. Точно такой же рефлекс вырабатывается, если включать звонок и в это время кормить собаку чем-нибудь вкусным. После нескольких упражнений, как только зазвучит звонок, у собаки начнут капать слюны. Собака не понимает значения слов, для нее это просто звуки, но звуки (слова или звонок) становятся такими же признаками пищи, как ее запах, вид или вкус, поэтому собака реагирует на них так же, как и на саму пищу.

Для Раму слово «на» сначала обозначало только мясо. Если ему протягивали что-нибудь другое и говорили «на», он не брал. Только после долгих упражнений мальчик научился брать по команде «на» любой предмет, какой бы ему ни предлагали. Вот теперь можно было сказать, что Раму усвоил, наконец, значение этого слова.

Так же трудно усваивал он и другие слова. Сначала по команде «дай» его научили отдавать мячик. Если у мальчика в руках была другая игрушка, он ее не отдавал. Затем его научили отдавать кубик, а потом и другие игрушки, любые предметы. Теперь Раму можно было учить целым фразам: «на конфетку», «на мясо». Работа шла очень медленно. Чтобы понять и запомнить новое слово, требовались недели и месяцы.

Учили Раму и произносить слова. Это ему давалось еще труднее. Повторить даже самое простое слово он не мог. А ведь нужно было еще понять значение слова и научить правильно его

употреблять. Вот как его учили: показывали мясо и говорили «дай, дай, дай». Раму тянулся к мясу, но его он получал только тогда, когда пытался повторить слово «дай». Вначале это еще нельзя было назвать речью, ведь и собаку можно научить по команде лаять. Только когда мальчик научился говорить «дай», когда хотел мяса или пить или когда видел игрушку, можно было считать, что слово употребляется сознательно.

Учили Раму правильно пить и есть, спать в постели, открывать дверь, сидеть, стоять, ходить. Все это он осваивал очень медленно. Учиться было трудно, к тому же мешала болезнь.

ПОБЕГ

Каждая больница живет размеренной жизнью. Когда наступало время сна, в палатах, где лежали больные, гасилась свет. Понемногу шум утихал, и больница погружалась в сон. Оживлялся один Раму. Жизнь для него начиналась только ночью. Однажды служитель, наблюдавший за мальчиком через чуть приоткрытую дверь, подсмотрел такую сценку. Когда все затихло, маленький комочек в углу постели зашевелился. Раму открыл глаза, осмотрелся по сторонам и громко зевнул. Некоторое время он снова лежал неподвижно, затем потер переносицу, почесал за ухом и вдруг замер в очень неудобной позе.

Служитель продолжал наблюдать за ребенком. Яркая луна, светившая в окно, позволяла отчетливо видеть все, что происходило в комнате. Казалось, Раму лежал неподвижно. Вдруг служитель заметил, что ребенок находится уже не в углу, а почти посередине постели. Он стал смотреть внимательнее. Да, Раму действительно полз, но полз так медленно, так осторожно, что не было заметно никакого движения. Так движется малая стрелка часов, медленно и совершенно незаметно.

К чему он подкрадывается? — удивился служитель. Ах, вот в чем дело: на спинке кровати был подвешен ярко раскрашенный пластмассовый попугай. Это был самый обычный попугай, такие, вероятно, делают для детей во всех странах света. Когда Раму дополз до противоположного края кровати, он на минуту замер, затем последовало быстрое движение, и служитель услышал сначала треск, а затем какие-то странные звуки: это мальчик-волк выплевывал изо рта оказавшуюся несъедобной дичь. Произошла досадная ошибка. В дальнейшем таких забавных недоразумений больше не происходило. Раму теперь полностью не доверял своим глазам и всегда принимался к незнакомым предметам. Обоняние его никогда не подводило.

Вторую охоту Раму устроил много позже. Как-то его вынесли в сад для прогулки. Он лежал в тени на циновке, глаза его были полузакрыты, и казалось, что мальчик дремал. Вокруг бегали голуби, но можно было подумать, что Раму их совсем не замечает. Однако так только казалось. Дело в том, что его давно уже перестали кормить сырым мясом и он без него скучал. Видимо, мальчик ре-

шил поохотиться и только выжидал благоприятного момента, чтобы схватить неосторожную птицу. Вскоре его терпение было вознаграждено. Один из голубей подбежал к самому лицу ребенка, и Раму удалось его поймать. Прежде чем служитель успел что-то предпринять, птица была разорвана и съедена.

Этот случай очень встревожил врачей. Они боялись, что проглоченные Раму перья и острые птичьи кости вызовут болезнь кишечника или желудка. Однако все кончилось благополучно. Пришлось лишь принять особые меры, чтобы подобные случаи больше не повторялись.

Когда Раму привезли в больницу, ни у кого не возникла мысль, что он может убежать: слишком слаб и болен он был. Но время шло, мальчик начал поправляться. Казалось, он смирился со своей судьбой. И может быть, все обошлось бы благополучно, если бы...

В городах Индии, даже в очень крупных, живет много диких животных: прыгают по деревьям обезьяны, на высоких зданиях сидят огромные коршуны, в парках по ночам лают шакалы, забегают на окраины городов волки. В ночной тишине далеко разносятся голоса диких животных. Им вторят их братья из зверинцев, заливаются лаем собаки.

Говорят, что в ту ночь на окраине Лакнау, города, в котором жил теперь Раму, слышали голос волка. Если это действительно так, то причина побега понятна.

Как мальчику удалось убежать, не знает никто. Он сумел выбраться из палаты, пробраться незамеченным мимо дежурной сестры, сам открыл наружную дверь, добрался до ограды и протиснулся в подворотню. Трудно сказать, чем бы эта история кончилась, если бы Раму смертельно не напугал шум и яркий свет фар от пронесшейся по мостовой машины.

Разыскать мальчика помогла собака, с которой Раму крепко дружил. Она не смогла пролезть вслед за ним в подворотню, бегала вдоль забора и тихонько скулила. Странное поведение собаки привлекло внимание ночного сторожа. Он вышел за ограду, чтобы посмотреть, что беспокоило собаку, и увидел прижавшегося к стене Раму. Испуганный ребенок позволил взять себя на руки и водворить на место. Больше он никогда не подходил к воротам: улица внушала ему страх.

В РОДНОЙ СЕМЬЕ

Постепенно Раму привык к людям и перестал их панически бояться. И все-таки он по-прежнему не выказывал особого желания вступать с ними в контакт. Даже к детям Раму оставался равнодушен. Первая дружба возникла случайно. В этом большая заслуга принадлежит собакам.

Из всех существ, с которыми Раму столкнулся в городе, только собаки привлекали его внимание. При виде собак и особенно щенков он оживлялся, тянулся к ним и с удовольствием играл. Однажды Раму посадили рядом с малышом, чуть старше его, который резвился с двумя толстыми задорными щенками.

Сначала Раму, как всегда, насторожился и безучастно наблюдал за шалунами. Но разве дадут сорванцы спокойно посидеть? Один из них лизнул его в нос, второй схватил за палец. Раму не выдержал и включился в игру. Он оказался хорошим компаньоном.

Играл Раму так же, как играл бы маленький волчонок. Норовил схватить щенка зубами за лапу или вцепиться ему в ухо, тербил щенка за хвост, но при этом, казалось, не причинял особой боли. Вскоре все четыре детеныша, два человеческих и два собачьих, сплелись в один клубок, и зритель с ужасом увидел, что Раму вцепился зубами в ногу своего старшего товарища. Бросились разнимать детей, но помощь не понадобилась, Раму не кусался, он просто играл. Мальчик не научился раньше другим играм, и обижаться на него было нельзя.

С этого дня он стал обращать внимание на детей, иногда играл с ними, привыкал к игрушкам. Впрочем, с игрушками он вначале играл по-своему: брал не рукой, а зубами, часто грыз и ломал.

Понемногу Раму научился играть по-человечески. Малышу очень нравилось катать мяч. Видимо, мячик казался ему живым, и он устраивал на него настоящую охоту. Играл Раму и в другие игрушки. Маленькая игрушечная автомашинка, если ее слегка подтолкнуть, могла проехать один-два метра, и при этом колеса ее слегка жужжали. Это и нравилось и пугало. Не сразу поверил Раму, что она не опасна, а когда поверил, не захотел расставаться с ней.

Пока Раму лечили, полиция вела энергичные поиски, и они увенчались успехом. Удалось найти родных ребенка. Мать рассказала, что у них пропал сын, когда ему шел второй год, думали, волк утащил, и не надеялись вновь увидеть.

Когда мальчик поправился, его отправили домой. Семья жила в небольшой индийской деревушке. Мать не произвела на Раму особого впечатления, ведь он ее совсем не помнил. А вот дорога взволновала и напугала. Долгая езда в грохочущем¹, подпрыгивающем на стыках рельсов вагоне, бесконечная тряска по размытым дождями проселочным дорогам могли вывести из состояния равновесия кого угодно. А еще близость джунглей, откуда ветер приносил тысячи знакомых запахов и звуков.

Первое время Раму держали в доме, не выпуская одного даже во двор. Мать боялась, как бы он не убежал в джунгли. Но мальчик уже привык к людям, к одежде и домашней пище. Он не делал попыток убежать из родного дома. В него поверили и ослабили надзор.

Раму был не единственным ребенком в семье. У него оказались сестры и братья. Семья была не богатая, но очень дружная. Дети помогали матери по хозяйству, а вечером все вместе отдыхали. Они окружили мальчика вниманием. Ласки и заботы близких не пропали зря: Раму становился все более человеческим. Он научился смеяться и плакать, перестал любить одиночество, темноту, с удовольствием играл с детьми.

Мать брала его за околицу деревни, в поля и джунгли. Раму любил такие прогулки, но всегда охотно возвращался домой, джунгли потеряли над ним власть.

Шли годы. Раму рос и постепенно становился похож на обычных детей. В родной деревне давно перестали обращать на него внимание. В своем умственном развитии он сделал некоторые успехи, но так и не догнал своих сверстников. В шесть лет Раму мог понимать только самые простые фразы, а сам научился произносить только отдельные слова. Он не пошел со своими одноклассниками в школу. Когда мальчик достиг школьного возраста, его еще нужно было учить говорить.

Раму ничего не рассказал о своей жизни в джунглях. Для серьезного рассказа у него недостаточно развита речь. Но даже если бы он овладел речью, все равно мы ничего бы от него не узнали.

Дело в том, что человеческая память известным образом опирается на речь. Все, что было с Раму в джунглях, ему очень трудно вспомнить и передать словами.

Что будет с Раму дальше? Догонит ли он когда-нибудь своих сверстников? Теперь на это надежды мало. Вряд ли его когда-нибудь удастся научить читать и писать. Он никогда не сможет овладеть арифметикой, изучить историю, понять государственное устройство своей страны. Умственное развитие Раму не кончилось, но он обречен остаться на всю жизнь отсталым, малоразвитым человеком.

¹ Во влажном климате Индии древесина быстро разрушается. Шпалы там делают из металла, отчего поезд производит страшный шум.

ВЕЛИКИЙ ИНСТИНКТ

Почему происходит так, что хищные звери не убивают ребенка, а принимают в свою семью? Как могут маленькие дети выжить среди диких животных? Объясняется это очень просто. Когда у волчицы погибают детеныши, инстинкт материнства заставляет ее искать замену погибшим детям. В этот период она не прогонит чужого волчонка, а накормит и станет заботиться о нем, как о собственном. Даже детенышей других зверей одинокая мать-волчица может принять в свою семью.

В зоологических садах часто приходится пользоваться кормилицами. Если львица или тигрица почему-либо не кормит своих детенышей, им ищут новую мать. Для этого лучше всего подходит собака, имеющая маленьких щенят.

Что же заставляет животных заботиться о чужих им детенышах или о маленьких детях? Инстинкт материнства, который заставляет птицу высиживать яйца, откладывая в него яйца, неделями высиживать их, отказывая себе в пище, бесстрашно бросаться под ноги человеку или зверю, случайно оказавшемуся недалеко от гнезда, с раннего утра до позднего вечера добывать корм для своей прожорливой детворы...

Чаще всего детей, вскормленных зверями, находили в Индии, и это не случайно. Дикие животные здесь не очень боятся людей. Англичане, долгие годы угнетавшие Индию, боялись народного гнева, массовых восстаний и поэтому не разрешали индусам иметь огнестрельное оружие, даже охотничьи ружья. Охота в Индии мало распространена и по другой причине: в этой стране не принято убивать животных. Обычай этот сохранился до сих пор. Если на поля крестьян выходят кабаны, в них не стреляют; если налетает саранча, ее не уничтожают. Поэтому человек в Индии не внушает диким животным такого панического страха, как в других странах.

В Индии очень теплый климат. Там никогда не бывает зимы. Маленькому беззащитному ребенку в индийских джунглях не грозит холод. А это

очень важно. Зимой в тайге малыш наверняка бы замерз.

Детей чаще всего находили среди волков, но не потому, что другие звери никогда не воруют малышей. Просто ребенку гораздо легче выжить в волчьей семье, чем среди других зверей. Дело в том, что волки по-особому выкармливают своих детенышей. Новорожденных волчат волчица-мать первое время кормит только молоком. Когда волчата немного подрастут, она, а чаще отец, приносит им мясо, но не совсем сырое. Убив какое-либо животное, волки поедают его и спустя несколько часов, когда мясо в их желудках уже в значительной мере переварится, отрыгивают его и кормят волчат. Лишь такое полупереваренное мясо, обильно пропитанное желудочным соком родителей, может усваиваться в организме волчонка. Только совсем возмужав, переходят волчата на сырое мясо.

Маленькие дети не могут питаться ни сырыми растениями или их плодами, ни тем более сырым мясом. У них нет кишечного-желудочных соков, которые могли бы такую пищу переварить. А вот полупереваренное мясо из желудка приемных родителей, видимо, может усваиваться. И конечно, усваивается волчье молоко.

ПОЧЕМУ ТАК ТРАГИЧНА СУДЬБА ДЕТЕЙ ДЖУНГЛЕЙ

Обычно принято считать, что первые шесть-семь лет жизни ребенка являются годами счастливого, беззаботного детства.

Это неверное представление. В первые семь лет ребенок овладевает огромным количеством знаний и, главное, такими знаниями, которые в более поздние годы приобрести очень трудно.

Ученые пока точно не знают, почему те знания, которые упущены в первые годы жизни, так трудно восполнить. Видимо, это связано с тем, что в эти годы еще идет энергичный рост и развитие мозга.

Трудно перечислить все то, чем овладевает ребенок в первые годы жизни. Обучение начинается прямо с момента рождения. Новорожденный ребенок обладает способностью двигаться, но не умеет координировать свои движения. Он должен научиться протягивать руку и брать интересующий его предмет, сидеть и ходить. Ничему этому ребенок сам научиться не может. Он всем овладевает с помощью старших и путем подражания им. Поэтому все дети, воспитанные животными, не умеют ни стоять, ни ходить. Раму, воспитанный волками, не умел брать пищу рукой, а хватал ее с земли ртом. А вот мальчик, который жил с обезьянами, отлично владел руками. Он никогда не брал пищу ртом. Это он, конечно, позаимствовал от обезьяны.

Научиться правильно ходить, оказывается, очень трудно. Девочка Камла, которую в возрасте 7—9 лет вынули вместе с другой девочкой из волчьего логова, так никогда и не научилась по-настоящему ходить. Когда она очень спешила, то становилась на четвереньки и бежала.

Стоять она смогла только на третий год после возвращения к людям, да и то если ее сзади поддерживали.

Может показаться странным, что так трудно овладеть такими простыми вещами. Проверьте на себе. У каждого человека одна из рук развита намного больше другой. Обычно это правая. Всю простую, грубую работу человек делает обеими руками, но чуть задача посложнее — и левая рука пасует. Попробуйте научиться есть и писать левой рукой. Увидите, что это не так просто. Для этого потребуются месяцы или годы. А казалось бы, очень простая задача подносить ложку ко рту левой рукой!

В развитии человеческого мышления огромное, ни с чем не сравнимое значение имеет речь. Овладение речью очень сложный процесс. Конечно, речь детей тоже развивается в процессе общения со старшими.

В Индии существует легенда. Однажды царь Джелал-уд-Дин Акбар решил выяснить, какой язык на земле был самым первым. Он приказал отобрать у 12 женщин детей сразу же после рождения и запереть их в башню, а чтобы они не погибли, приставить к ним немых мамок-кормилиц. Царь думал, если детей не учить никакому языку, то они заговорят сами на самом древнейшем, самом первом языке на земле.

Легенда рассказывает, что через 12 лет царь приказал привести к себе этих детей. Оказалось, что они не умели говорить ни на одном языке мира. Очень возможно, что это было на самом деле. Все дети, воспитанные дикими животными, тоже не умели говорить.

Для овладения речью необходимо иметь прежде всего развитый слух. Человеческая речь состоит из относительно небольшого количества звуков — фонем. Но дело в том, что нужно научиться узнавать эти звуки в речи разных людей, тех, кто обладает низким и высоким голосом, говорит громко и шепотом, быстро и медленно. И главное — успеть заметить, запомнить последовательность быстро следующих друг за другом звуков, составить из них группы (слова), а ведь каждая имеет свое значение.

Чтобы справиться с этим, недостаточно только обладать тонким слухом. Собака, которая имеет, безусловно, более острый, чем человек, слух, никогда не смогла бы разобраться в последовательности звуков человеческой речи.

Для каждого языка характерна своя наиболее часто встречающаяся последовательность звуков. Ее особенность ребенок также запоминает в раннем детстве, и это помогает ему анализировать быстро следующие друг за другом звуки человеческой речи. Без таких знаний разобраться в речи невозможно. Попробуйте повторить какую-нибудь фразу на совершенно незнакомом для вас языке. Вам это ни в коем случае не удастся, так как вы не овладели анализом последовательности звуков этого языка.

Но и этого еще мало. Несмотря на то, что ребенок развивает свой речевой слух с детства, те части головного мозга, которые заведуют слухом, одни не в состоянии осуществлять анализ речи. К этой работе привлекаются другие отделы мозга, участвующие в анализе движений губ, языка и гортани. Маленький ребенок, слыша звуки человеческой речи, старается их повторять, и это очень

ЦАПЛЯ-КВАКВА

Коротковата
Цапля-кваква:
Ни долгих ног,
Ни перьев длинных,
Лишь на макушке
Черно-лаковой
Косичек тонких
Взмах картинный.
Гнездовые кваквы
Укрыты в кронах,
Но крона
Зною не препона,
Крылом
Птенцов прикроют
Сонных —
От зноя
Сами
Чуть не стонут.
А ночью,
Слушай,
Скрип резиновый
В болотных топях:
«Ква-ква, ква-ква».
Глаза горят
Огнем рубиновым —
Лягушек ловят
Цапли-кваквы.

Павел БАРТО

помогает ему потом узнавать эти звуки. Вот почему так трудно научиться понимать иностранный разговорный язык, если изучать его только на слух и не пытаться повторять слова и фразы.

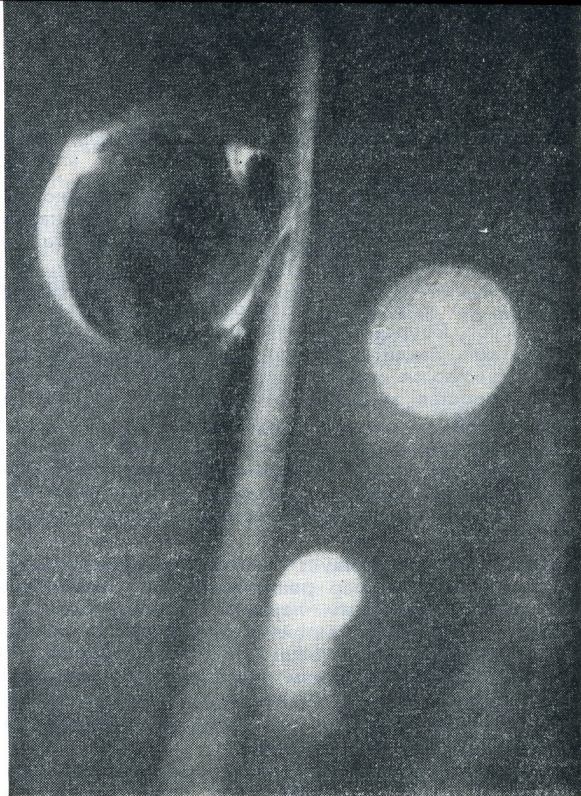
Вот почему так медленно дети из джунглей овладевают речью. Камла, о которой уже упоминалось, в течение первых 4 лет научилась произносить всего 6 слов, а через 7 лет — около 45. Когда детей отбирали от их приемных родителей совсем маленькими, развитие речевого слуха оказывалось еще возможным, и они быстрее овладевали речью. Полуторогодовалая Амла в течение одного года выучила 50 слов.

То, что дети, живя среди зверей, оставались такими неразвитыми, происходит не потому, что звери оказывают какое-то «дурное» влияние. Просто детям не у кого было учиться. Оказывается, мы, люди, ничему сами научиться не можем. Важнейшим человеческим навыкам учимся мы от окружающих нас взрослых людей в первые 6—7 лет нашей жизни.

Б. СЕРГЕЕВ, кандидат биологических наук

ОКАЗЫВАЕТСЯ...

Когда-то орангутанги были довольно распространенными животными. В настоящее же время они встречаются лишь на сравнительно небольших территориях островов Калимантан и Суматра. Полагают, что сохранилось около 3000 голов. Но точно сосчитать обезьян в непроходимых лесах, конечно, невозможно. Правительство Индонезии запрещает лов орангов. Тем не менее браконьерство не исключено, и, если не будут предприняты решительные меры, оранги обречены на вымирание. Уже обсуждался вопрос с том, не следует ли молодых орангов, выращенных в зоопарках, переселять для сохранения рода на Суматру и Калимантан.

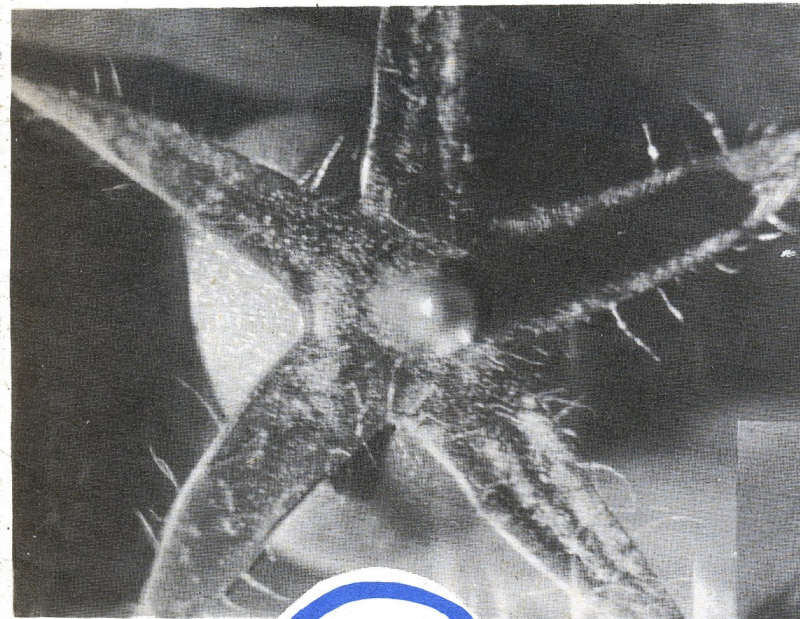
Живая промокашка живет в пустынных районах Австралии. Это небольшая ящерица, своеобразно приспособившаяся к постоянной засухе. Она собирает утреннюю росу... кожей, которая напоминает промокашку. Сделав таким способом запас влаги, ящерица очень экономно расходует ее и может довольно долго обходиться без воды.

Аризонская же ящерица снабжена своеобразным терморегулятором. С наступлением зимы ее кожа из зеленой приобретает черный цвет. Такая кожа лучше поглощает солнечные лучи. Так ящерица регулирует температуру своего тела.

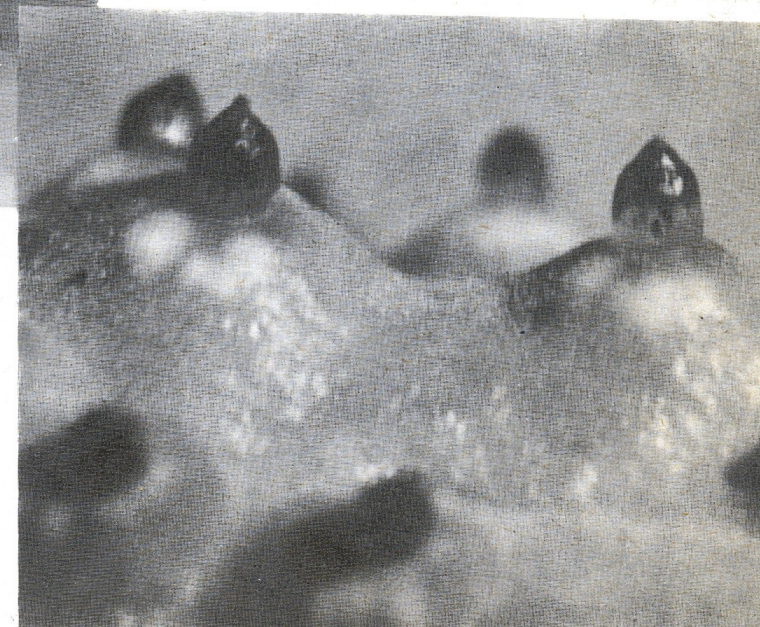

Фото Н. Щеглова

В городе Солт-Лейк-Сити (США) установлена гранитная колонна, увенчанная глобусом с двумя чайками на вершине. У подножия колонны расположен бассейн, в котором купаются пернатые обитатели города. Монумент воздвигнут в честь чаек, спасших в свое время первых обитателей этих мест от голодной смерти. Чайки уничтожили саранчу, которая пожирала посевы первых поселенцев.

**ОТГАДАЙТЕ,
ЧТО ЗДЕСЬ
ИЗОБРАЖЕНО**

Наверное, некоторые из вас побывали в Крыму, любовались горной вершиной Ай-Петри, купались в море в солнечном Артеке. Но знаете ли вы, что Лебяжьи острова тоже находятся в Крыму и омывает их Черное море? Расположены они в нескольких километрах от побережья Каркинитского залива, в западной части полуострова.

Тем, кто интересуется и любит пернатых, мы предлагаем совершить небольшое путешествие и побывать в этом птичьем царстве — заповеднике, находящемся под охраной человека.

Моторная лодка мягко ткнулась в песчаную отмель. В наступившей тишине над нами вдруг кто-то громко и заразительно засмеялся: «Ха-ха», «Ха-ха-ха». Кто это? — удивились мы. Посмотрев вверх, увидели прекрасных белокрылых птиц — серебристых чаек-хохотуней, чью колонию предстояло нам осмотреть.

Оставив лодку в стороне, вместе с наблюдателем заповедника Петром Демьяненко и группой студентов-практикантов мы по мелководью выходим на ракушечную косу. В мае на островах самый разгар гнездования чаек. Куда ни глянешь, среди кустов, полыни и морской капусты шевелятся в укромных уголках нескладные пестрые птенцы.

За чайкой-хохотуней закрепилась было недобрая слава хищницы. Но это не так. Надо видеть, как хохотунья, прилетев на окрестные колхозные поля, с высоты наблюдает за работой тракториста и, едва заметит в борозде вреднейшего грызуна суслика, молниеносно пикирует и уничтожает его. Истребляет хохотунья также мышей и крыс, относит свою добычу прожорливым птенцам.

Я веду фотосъемку чайки-хохотуни, а мои спутники направляются к зарослям морского ситника, где расставлены деревянные гнездовья — места обитания утки-пеганки. Ее ценный пух приближается по своему качеству к драгоценному пуху гаги. Орнитологов интересуют биологические особенности этой птицы. Любопытно, что пеганка гнезда не строит, а откладывает яйца в естественных норах. Ее гнездо можно встретить даже в норке лисы. Зная эту особенность птицы, ученые на Лебяжьи островах выпустили необычных «архитекторов» — кроликов. Они-то и строят для пеганки подземные гнезда.

Вот и берег Серой цапли, вполне оправдывающий свое название. В тростниках вдоль побережья обнаружены гнезда серой цапли (см. фото на стр. 30). Сегодня предстоит их кольцевание. Студенты, вооружившись плоскогубцами и кольцами, прочесывают побережье, снимают с гнезда малышей, ловят молодых цапель. Пройдет время, и окольцованные птицы расскажут о путях своих перелетов к местам зимовок.

Закончив кольцевание, присаживаемся отдохнуть. Спокойны воды залива. Над песчаной косой, поросшей пунцовыми маками, с криком проносятся чайки.

Наблюдатель заповедника Петр Демьяненко рассказывает:

— Когда-то на островах гнездились лебеди. В конце девятнадцатого века на Сарбулатских островах, так они назывались прежде, «процветал» птичий промысел. Лебедей, в изобилии обитавших там, попросту истребляли из-за эластичных шкурок, пуха и пера. В летнюю пору у лебедя одновременно выпадают все маховые перья, и птица становится беззащитной. Громадный ущерб причиняли браконьеры птицам в период линьки. Подобные способы

НА ЛЕБЯЖЬИХ ОСТРОВАХ

охоты привели почти к полному истреблению лебедей. В 1949 году Лебяжьи острова были объявлены заповедными. С тех пор количество лебедей на островах стало увеличиваться. Всего на островах, в охранной зоне на море и в степи, можно встретить до 200 видов самых различных птиц. Весной первыми на острова прилетают краковые утки. К 20 июня количество их достигает 2—3 тысяч. Летом прилетают на линьку лебеди. К середине июля на островах скапливается до 3—4 тысяч лебедей. Линные лебеди обычно плавают по мелководью, а в шторм выходят на берег. Далеко окрест в эту пору на вечерней и утренней заре слышится их громогласный протяжный крик.

Чтобы кольцевать лебедей, надо обладать большой спортивной сноровкой. Лебедь — сильная и смелая птица. Небольшое количество лебедей-шипунцов, особенно в теплые зимы, остается на островах. А в 1964 году в заливе на полыньях зимовало около 600 лебедей-кликунов. Ранней весной, в марте — апреле, лебеди покидают острова и улетают к местам своих гнездовий.

Отдохнув, отправляемся дальше. На песчаной косе — многочисленные колонии крачек. Эта разновидность чаек откладывает 3—4 яйца прямо на песок. И надо быть очень осторожным, чтобы не наступить на неприметное гнездо.

— Лебедь — благородная птица, — говорит Петр

Демьяненко. — Мне приходилось наблюдать такую картину: лебеди, которые посещают эту косу в период линьки, очень осторожно относятся к своим пернатым собратьям и никогда не раздавят яйца крачки.

Заповедник, где довелось нам побывать, играет заметную роль в деле охраны флоры и фауны Крымского полуострова. Одна из важных задач за-

поведника — восстановление гнездовых лебедя, для чего в самое ближайшее время будут построены в естественных условиях просторные вольеры и поселены первые пары лебедей. Сотрудники заповедника верят — ценные птицы вновь будут гнездиться на Лебяжьих островах.

Вл. МИНКЕВИЧ

Фото автора

ЧЕМ ДЫШАТ НАСЕКОМЫЕ?

Почти в каждом водоеме можно встретить водяных жуков. Наловите клопов-гладышей или жуков-плавунцов и наблюдайте за ними дома. Жуков надо посадить в банку с водой, взятой из того же водоема, где они были пойманы.

Насекомые в аквариуме не будут сидеть неподвижно. Время от времени то один, то другой жук будет подниматься к поверхности, выставляя наружу нижний конец своего брюшка и через минуту вновь опускаться на дно. Приглядитесь внимательнее: вся поверхность брюшка у насекомого теперь покрыта мелкими пузырьками воздуха. Вопрос, кажется, решается просто: жуки берут с собой в глубину запас воздуха. Действительно, отверстия дыхательной системы насекомого находятся именно здесь, где прикрепилась воздушные пузырьки, и насекомые дышат взятым с собой воздухом. Но не торопитесь делать окончательных выводов.

Проведите следующий опыт: заметьте по часам, как часто возобновляет воздушный запас какой-нибудь жук, а затем пересадите его в банку с кипяченой (но, конечно, остуженной водой) и вновь проверьте, как часто он будет всплывать на поверхность. Оказывается, в кипяченой воде насекомые поднимаются за свежим воздухом чаще.

В чем же дело?

Секрет вот в чем. В обычной воде растворены все газы, входящие в состав воздуха: азот, кислород, углекислый газ. В кипяченой же воде газов почти нет. Когда жуки находятся в обычной воде, запас кислорода в пузырьках быстро уменьшается, но как только концентрация его в пузырьке станет меньше, чем в окружающей воде, кислород из воды начинает проникать в воздушный пузырек, и запасы его немного пополняются. В кипяченой воде кислорода нет, запасы ниоткуда не пополняются, и жукам чаще приходится подниматься на поверхность.

Некоторые мелкие насекомые, использующие такой способ дыхания — с помощью физических легких, как говорят ученые, извлекают достаточное количество кислорода, и им почти не приходится подниматься на поверхность.

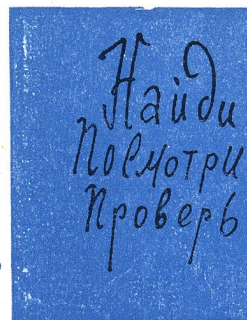
КИНКАН

Мелкая темно-зеленая листва густо покрывает все деревце, щедро усыпанное ярко-оранжевыми плодами, которые чуть больше грецкого ореха. Вид у деревца очень нарядный. Это цитрусовое растение кинкан, или кумкват, близкий родственник мандарина.

Плоды кинкана съедобны, кожура у них ароматная, сладкого вкуса. Из плодов этого растения можно готовить и очень вкусное варенье, компоты, но культивируется оно пока редко.

Растет кинкан на Черноморском побережье Кавказа в тех же районах, где встречается и мандарин.

Кинкан с успехом можно выращивать и в комнате на окне. Ухаживают за ним так же, как за комнатным лимоном.

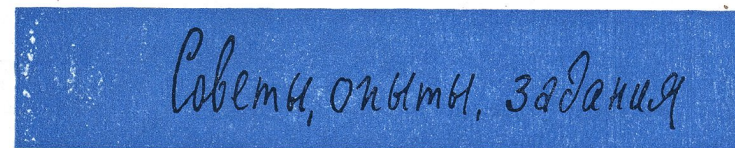

ОБЛАКА И ПОГОДА

В ясном небе, а порою и сквозь низкие тучи бывают видны красивые перистые облака. Летом они держатся на большой высоте, зимою спускаются пониже. Перистые облака всегда состоят из ледяных кристаллов. Метеорологи различают много разновидностей перистых облаков, но если вы внимательно последите за ними, то легко выделите сами «облака хорошей погоды» — перистые облака, которые украшают небо в ясные дни. Они почти не заслоняют солнца.

Когда не видимый глазом самолет мчится на большой высоте, за ним возникает облачный след, шлейф из ледяных кристаллов. След самолета — ближайший родственник перистых облаков: след и облака одной природы. Вот почему по следу самолета можно предсказать появление перистых облаков, а значит, и в ряде случаев погоду на ближайшие дни. Если след самолета сохраняется менее 10 минут, в атмосфере нет благоприятных условий для появления перистых облаков, а если они уже появились, то скоро рассеются.

В случае же, когда след самолета сохраняется более 30 минут, следует ожидать, что через 4—5 часов в небе появятся перистые облака.

БОГАТЫРЬ КУУЗИКУ

На полях Эстонской ССР широко распространяется новая кормовая культура — гибрид брюквы и кормовой капусты. «Куузику» — так назвали его здесь. В новом растении удачно соединились ценные качества брюквы и кормовой капусты. Гибрид приносит увесистые корнеплоды и большое количество сочной ботвы. С гектара он дает в два раза больше корма, чем картофель. К тому же он не требователен к теплу, начинает расти уже при пяти градусах выше нуля.

Вырастить гибрид не трудно. Он не любит только кислых почв, и поэтому заранее проведите известкование поля. Рассадку высаживайте на расстоянии 60 сантиметров ряд от ряда. За лето проведите 2—3 междурядные обработки. В конце лета плантации гибрида не нуждаются в уходе: ботва сростается и глушит сорняки.

ПРИГНИСЬ, СМОРОДИНА

Солнце пригревает, и одно за другим расцветают растения в саду: вначале ягодные кустарники, потом вишня, а там и яблоня с грушей. И тут-то, когда, казалось бы, зима давно забыта, каждый год приходит к нам волна холода с севера. Ночные и утренние заморозки очень вредят цветкам: иногда за полтора-два часа гибнет весь будущий урожай.

Садоводы защищают цветущие деревья, зажигая в саду дымовые кучи. Дым обволакивает сады, удерживая тепло земли.

Кустарники — смородина, крыжовник — в средней полосе обычно успевают отцвести до заморозков. Зато в Сибири, где все цветет позже, заморозки очень часто губят цветки смородины.

И вот сибирские садоводы придумали простой способ. Рано весной они осторожно пригибают кусты к земле и прищипывают их специальными крючками — такими же, как для стелющихся деревьев. Основная масса ветвей куста располагается на высоте 30—40 сантиметров от земли, а здесь всегда бывает немного теплее, тише.

После того как смородина отцветет и образует завязь, ее освобождают от крючков.

Садоводы не раз замечали, что смородина, защищенная таким простым способом от заморозков, хорошо плодоносила.

В ЖИВОМ УГОЛКЕ

Вот уже и весна. День стал длиннее. Прибавилось и в аквариуме света. Растения стали больше, пышнее, появились многочисленные отростки. Однако лишний свет часто вреден, потому что разрастаются не только те водоросли, которые в аквариум посадили, но и множество непрошенных, незваных гостей: водорослей-сорняков. Чаще других появляются зеленые и сине-зеленые микроскопические водоросли, разрастающиеся на стеклах, которые обращены к свету. Эти водоросли сами по себе не вредны. Однако если образованный ими ковер станет очень уж плотен и толст, его приходится счищать со стекол лезвием безопасной бритвы, так как он отнимает у культурных аквариумных растений весь свет.

Хуже обстоит дело с нитчатыми водорослями. Плотной зеленой ватой обволакивают они зачастую растения, и бороться с ними довольно трудно. Не всегда помогает и пытак. Бросьте его в аквариум, он покроется окислами, которые затормозят развитие водорослей-сорняков. Можно нитчатку время от времени удалять, наматывая на палочку.

И наконец, самая большая беда — цветение воды. Его вызывают свободноплавающие зеленые микроскопические водоросли. Размножаясь с исключительной быстротой, они делают воду зеленой, совсем непрозрачной. Кислорода в такой воде днем много, а ночью мало, и в цветущих аквариумах возможны ночные заморы (рыбы гибнут от отсутствия кислорода). Менять воду при цветении бесполезно: какое-то количество микроскопических водорослей все равно остается, и они вновь размножатся. Нужно плотно закрыть аквариум непрозрачной, лучше всего черной материей и продержать его закрытым несколько дней, пока не просветлеет вода. Водоросли погибнут в темноте и больше уже не заведутся.

Ф. ПОЛКАНОВ

В ЖИВОМ УГОЛКЕ

Около тепловых электростанций на десятках и даже сотнях гектаров образуются пустыни из каменноугольной золы и шлаков. Эти отвалы — источники пыли, грязи. Золая пыль загрязняет воздух, попадает в глаза, проникает в жилища.

Советские ботаники предложили интересный способ озеленения золоотвалов. Их нужно покрыть слоем земли всего в один-три сантиметра и посеять местные многолетние злаковые и бобовые травы.

На третий год озелененные золоотвалы дают неплохие укосы. В дальнейшем на таких возрожденных площадях можно выращивать и овощи.

У ваших любимцев щегла или чижики могут отрасти на лапках кривые, как у ястреба, когти, а клюв загнуться крючком вниз. Птицы станут плохо есть, начнут хромать, беспокоиться. Будут часто тереться клювиком о жердочки и кормушки. В чем дело?

Объясняется это тем, что от длительного содержания в неволе, недостаточного движения и готового корма у них чрезмерно отрастают коготки и клюв. В природе они тоже растут, но когда птицы все время в движении в поисках корма, отрастающие роговые части кончика клюва и коготков постепенно стираются. Помочь птичкам легко. Их нужно осторожно поймать, а потом маникюрными ножницами срезать отросшие кончики клюва и когтей. Но делать это нужно осторожно и удалять только «мертвый» рог. В «живом» роге имеются кровеносные сосуды, и если их задеть, появится кровотечение. Если так случится, остановить его не трудно. Смочите кровоточащие места перекисью водорода, а когда кровотечение прекратится, смажьте их йодом.

Бывает отрастание когтей и у зверьков. В таких случаях поступают так же, как и с птичками. Сложнее, когда вы вдруг обнаружите, что у белочки, бурундучка, кролика или другого грызуна непомерно выросли зубы-резцы, так что и рот не закрывается, или перекошились челюсти. Это вы виноваты, потому что давали только мягкий корм, а у грызунов резцы растут всю жизнь, и им обязательно нужно давать твердые корма. В их меню постоянно должны быть орехи, косточки, кора, ветки деревьев и т. п.

Выправить зубы гораздо сложнее, чем клюв у птиц. Тут придется обращаться к ветеринарному врачу или опытному любителю. Выправляют зубы с помощью специальных кусачек и напильников. Если зубы не скусить и не подпилить до нормы, зверек лишится возможности питаться и погибнет.

И. СОСНОВСКИЙ

Удивительная яблоня растет в садах Эстонии. Весной эта скромница обходится без пышного наряда. На яблоне не бывает лепестков. А разрежьте созревшее на ней яблоко, похожее по форме на миниатюрный бочоночек, и вы не найдете в нем семян.

Яблоню назвали Чудо Раз. Ее яблоки среднего размера, с белой мякотью, приятного вкуса, ароматные. Их окраска желтая, со слабой пламеобразной краснотой. У яблони хорошая урожайность, плодоносит она ежегодно.

ОДНОСТЕБЕЛЬНЫЕ ОГУРЦЫ

В Молдавском научно-исследовательском институте орошаемого земледелия и овощеводства выведен новый интересный тепличный сорт огурцов.

У растений нового сорта любопытная особенность: они не ветвятся, а поэтому отпадает надобность в такой трудоемкой операции, как прищипка. За эту интересную особенность сорт и получил название Одностебельный. Есть у него и другое ценное качество: сорт меньше поражается мучнистой росой, а по урожайности превосходит известный тепличный сорт Клинский.

Плоды нового высокоурожайного сорта очень ароматны, хорошего вкуса, приятной яркой темно-зеленой окраски.

В марте — апреле огурцы можно сеять в пришкольной теплице. Попробуйте вырастить эти огурцы на застекленной веранде или в комнате.

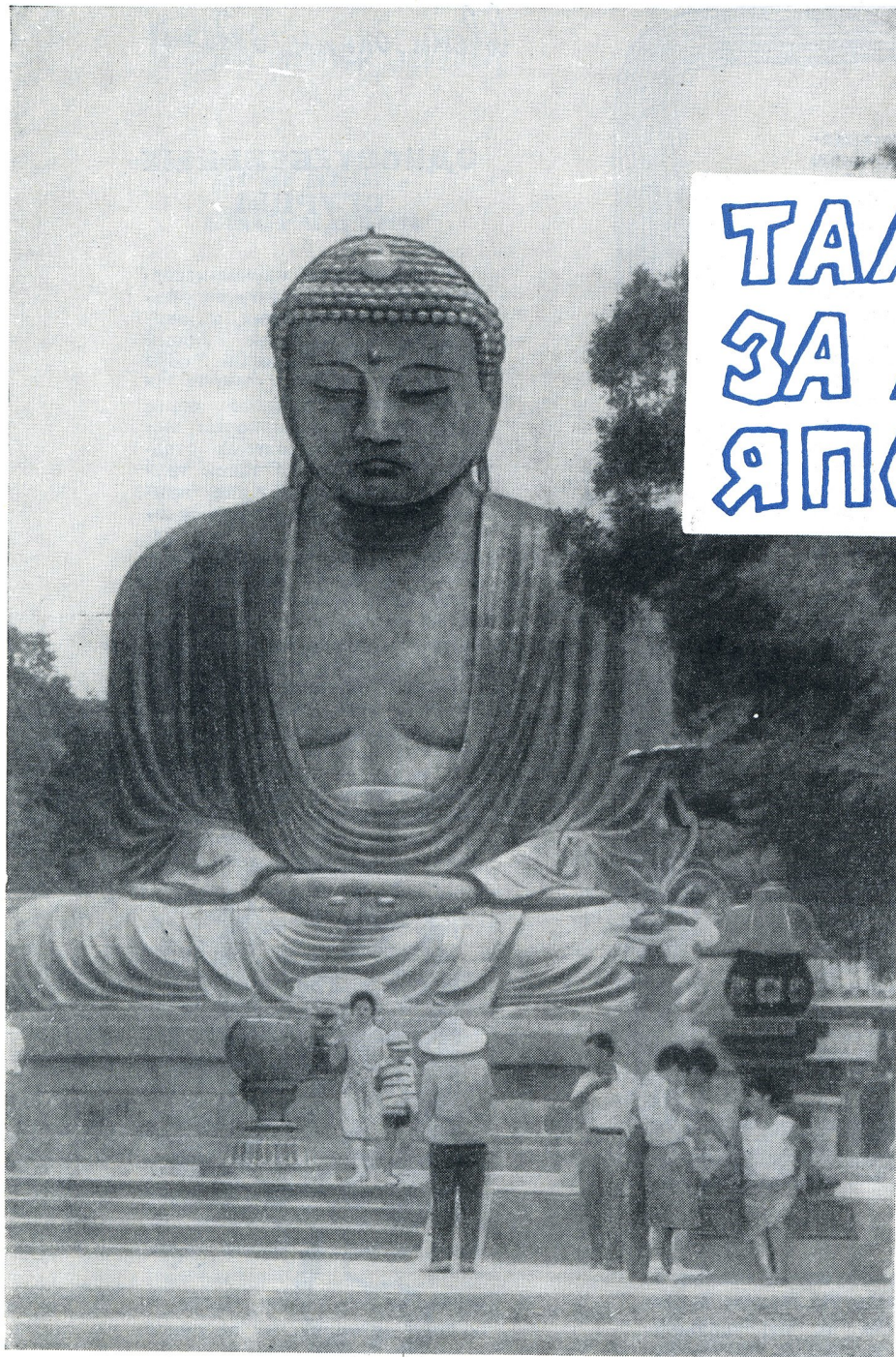

Фото автора

ТАМ, ЗА МОРЕМ, ЯПОНИЯ...

«**Георгий Орджоникидзе**» вышел из Находки и взял курс на Японию. Сипался мелкий ленивый дождик, укрывавший прибрежные скалы. Вскоре дождик кончился, волны разом покрупнели, а по небу низко понеслись рваные, мрачные тучи. Мы поужинали и забрались в каюты. Но уснуть не удалось. Лайнер вдруг стал ритмично раскачиваться: высоко на волну взбирался его нос, корма опускалась в серо-зеленую пучину — сердце замирало, как в скоростном лифте. Только у самых берегов Японии отстала от нас свирепая качка. Небо вдруг посветлело, поглубело, и океан больше не казался таким хмурым. Потом кто-то крикнул:

— Ребята, Фудзияма!

Знаменитый вулкан Фудзи величественно возвышался над островами, океаном, разбросанными по водной равнине пароходами. По склонам Фудзи стекали белесые облака. Мы знали уже, что по-японски «яма» значит «гора»... Гора Фудзи для японцев — это символ силы, неукротимости, мощи. Но вот мы увидели в океане несколько точек, вытянувшихся в идеально ровную линию. Точки

быстро росли и, наконец, превратились в серые приземистые корабли.

— Американские, — догадались пассажиры, — возвращаются с учений...

В нашей группе, направлявшейся в гости к японской молодежи, были и врачи, и строители, и рабочие, и инженеры — словом, юноши и девушки самых разных мирных профессий. И у всех посуровели лица — не любят советские ребята, когда им напоминают о войне.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ЭКЗОТИКЕ...

Йокогама — морские ворота Токио. В огромном порту теснота: снуют юркие катера, пылят буксиры, тянут в небо стальные шеи плавучие краны. Без проводника здесь, пожалуй, может заблудиться и самый опытный капитан. Поэтому на нашем лайнере взвились разноцветные сигнальные флажки. Моряки помогли нам их прочитать: «Больных нет... врач на борту есть... нужен лоцман...»

Наконец все формальности позади. После морского путешествия приятно стоять на твердой земле. Не качает из стороны в сторону, не надо цепляться за перила, чтобы удержать равновесие. Хорошо! А особенно хорошо потому, что отовсюду к нам тянутся дружеские руки молодых японцев, пришедших встречать нас.

Перед поездкой мы много читали об этой стране. Думали: какая же она, Япония!

Встретили нас приветливо. Помогли познакомиться с народом, обычаями, культурой Японии.

Мы побывали во многих городах, встречались с молодыми рабочими, студентами. И постепенно — от встречи к встрече, от поездки к поездке — росло у нас доброе чувство к японскому народу.

Экзотики очень много. Во всем. Во флажках, гирляндах, фонариках на домах. В самих домах — их облике, планировке. В храмах — чудесных многоярусных сооружений из дерева, украшенных замечательной резьбой. В обычаях — традиционных церемонных поклонах, в еде палочками. Но это только одна сторона. Вторая — сама жизнь. У японского народа талантливые рабочие руки. Этими

руками построены многотысячные города, ультрасовременные заводы, славящиеся на весь мир транзисторы, океанские корабли-гиганты.

Ртутный столбик термометра ползет к сорока градусам. Влажно. Выходишь на улицу, и через несколько минут рубашка прилипает к телу. В Японии вообще неприемлемо наше выражение «выйти на свежий воздух». Если хочешь избавиться от жары — закрывай все окна, включая вентиляторы, установки кондиционированного воздуха. Но они не по карману не только рабочему, но и лавочнику, мелкому торговцу. Вот и появляются среди бела дня на окнах магазинов шторы, на которых написано: «Заходите к нам. Мы закрылись не от вас — от солнышка...»

И в жару не прекращается работа. Вот, например, строительная площадка. Под прямыми лучами солнца, безжалостными и колючими, у огромных блоков возятся полуголые люди. Механизации нет почти никакой — все делается вручную.

— Да и зачем нам машины! — говорит в ответ на наш недоуменный вопрос профсоюзный активист строительных рабочих. — Машины лишают людей работы. Безработных и так немало...

Это уже не экзотика. Это жизнь...

Мы бывали в удивительных парках, восхищались оленями, смело берущими из рук туриста лакомства, любовались в прудах золотыми рыбками — будто из сказки! Но мы видели и другое — как тяжело достается многим кусок хлеба, как не похожа иногда сказка на жизнь.

АТАМИ — ГОРОД КУРОРТОВ

Мальчишка спит на газетах прямо на тротуаре. Газеты он выбрал потоньше — многостраничные солидные издания. Но спать все равно неудобно — это не постель: вместо одеяла — небо, вместо подушки — собственный кулачок.

Таких мальчишек и девочек мы видели и в Токио, и в Кобе, и в других городах Японии. Но особенно горько было видеть их в Атами — городе курортов.

Атами расположился на берегу океана. Вдоль берега вытянулись

террасами улицы. На улицах — нарядная толпа. Океан, ласковый, теплый в хорошую погоду, намыл огромный пляж. В городе все к услугам отдыхающих. Рестораны. Гостиницы. Бассейны. Развлечения. Учтены все вкусы и запросы. Вот, например, музей-аквариум — специально для любителей природы. В бассейнах, аквариумах собрано все разнообразие сказочно богатого живого царства Тихого океана. Тянут к стеклу свои щупальца осьминоги. неподвижно застыла рыба-пила. Вьюном вертится морской черт. Стайками носятся креветки. На все это глазее праздная публика. Вот только ребятишек мало среди посетителей. И не удивительно — зрелище стоит недорого. Мальчишки и девочки толпятся у ограды. Дорогу в сказку преграждает автомат-контролер с аккурратно выписанной цифрой — 100.

Много таких контролеров на пути у мальчишек и девочек, растущих в рабочих предместьях, поселках, на которые заводские трубы выбрасывают клубы удушливого, черного дыма. Для них город-курорт Атами — это иной мир, вход в который воспрещен.

Зато праздным бездельникам здесь раздолье — были бы деньги. Не гроши, которые пахнут трудовым потом. На них здесь не проживешь и дня. И не мизерные иены, за которые продают люди свою кровь (в Японии существует даже специальный термин «желтая кровь» — такой она становится у профессиональных доноров, вынужденных торговать ею, чтобы хоть как-нибудь прожить).

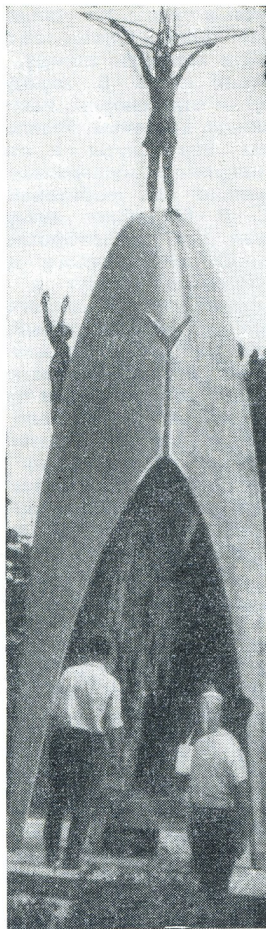
Щедра природа японских островов. Плодородны ее поля. Сказочны парки. Нарядны витрины магазинов, ломаются они от разнообразных товаров.

Но... спят мальчишки на тротуарах...

НАД ХИРОСИМОЙ — ГОЛУБОЕ НЕБО

С бешеной скоростью мчится экспресс. Дыбятся с обеих сторон зеленые горы. Мелькают рисовые поля, напоминающие ярко-зеленый ковер. Влетает экспресс в тоннели — врывается в вагоны темнота.

Мы не отходим от окон. Все в новинку.

Это памятник жертвам Хиросимы.

— Смотрите! — кричит кто-то. — Бамбуковая роща...

Бамбук зелеными шапками укрыл склон горы, подступил к домишкам деревни. Вот бы удилиць нарезать!

Мчитесь экспресс. И с каждым километром тише становится смех, серьезнее лица. Мы едем в Хиросиму — город, о трагедии которого знает весь мир.

В Хиросиму приехали вечером. Жадно всматриваемся — какой он, этот город!

Хиросима похожа на все японские города. Центральные улицы залиты светом реклам. Мелькают надписи: «Покупайте...», «Пейте...», «Посетите...» Нацелилась в небо ракета. Что на ней написано за-

тейливыми иероглифами! Спрашиваем переводчика. Тот досадливо машет рукой:

— Все то же. Покупайте... Пейте...

Еще одна реклама — контуры атомной бомбы, выхваченные из темноты трубочками неона. И опять — «Покупайте...».

Оказывается, можно и на трагедии делать бизнес...

У нас в руках — открытка с изображением памятника жертвам Хиросимы. Мы показываем ее прохожим, сопровождая эту процедуру красноречивыми жестами:

— Как пройти к памятнику?

Прохожие смотрят недоверчиво. Думают — мы янки. Но, узнав, что мы из Советского Союза, улыбаются, охотно показывают: прямо, потом налево, через парк.

Памятник жертвам атомной бомбардировки установлен в эпицентре взрыва. Двадцать лет назад над этим местом в голубое небо поднялся атомный гриб. А на много километров вокруг, будто спичечные коробки, повалились дома, оплавившись камень и металл, люди умирали в страшных муках. По реке, рассекающей город, плыли трупы. Воды в городе не было. Жажда гнала людей к реке, но все вокруг было отравлено радиоактивными осадками. Погибли десятки тысяч людей. Умирают еще и сейчас, пораженные неизлечимой лучевой болезнью.

Мы стоим у памятника. Две огромные гранитные плиты сходятся, как тиски. Горит вечный огонь.

А неподалеку еще один памятник. На гранитной бомбе — девочка с журавликом. Он память девочке, умершей недавно от лучевой болезни. Японские дети делали бумажные журавлики и присылали их сюда, в Хиросиму. Журавлики гирляндами легли на памятник. В них — ненависть детей всего мира к войне.

Подняла на вытянутых руках журавлик Садако Сасаки. Вокруг играют другие девочки — в догонялки, в свои девчоночьи игры. Но Садако не может присоединиться к ним. Она, воплотившись в гранит, навсегда поднялась на пьедестал, чтобы напоминать живым: «Не играйте со смертью!»

Журавлик — это птица из легенд. По-японски его называют цуру. Серебристый цуру, по преданиям, приносит счастье. Японские ребята часто запус-

кают бумажных цуру в голубое небо. Рисуют их в школах. Рисуют в чудесно-нежном традиционном стиле «изморозь». И песен много сложено о цуру — журавликах. Мы слышали эти песни. За каждым их словом — желание счастья. Там, у памятника японской девочке, нам вдруг представилось необычное: что, если бы навстречу самолетам, несущим атомные бомбы, поднялись тысячи цуру, изготовленных детьми всей земли?

А над площадью, над памятниками высятся черные, оплавленные руины здания торговой пагоды. Его не стали восстанавливать, чтобы видели потомки, к чему может привести безумная игра с атомной бомбой.

Об этом же напоминает и мемориальный музей атомной бомбардировки. Вот две фотографии: город до и после взрыва. На первой — оживленные кварталы, шумные улицы. На второй — руины, пепел, сгорбленные, пораженные язвами фигуры. Вот остатки одежды погибших, личные вещи, домашняя утварь.

Когда смотришь на экспонаты музея, вспоминаешь не только Хиросиму. Вспоминаются руины русских городов, сожженных фашистами, разрушенная Варшава, приходит на память английский город Ковентри.

Руки сжимаются в кулаки: «Нет, это не должно повториться!»

Мысль эта крепнет, завладевает умом и сердцем, когда проходишь коридорами госпиталя жертв атомной бомбардировки. Этот госпиталь построен на средства, собранные в разных городах Японии. Лечится в нем несколько десятков человек — те, кого в 1945 году смерть миновала, а сейчас опять подкралась исподтишка. Двадцать лет назад человек находился сравнительно далеко от эпицентра взрыва. Его миновал первый, самый тяжелый удар. Но прошли годы, и он заболел. Врачи устанавливают различные диагнозы: болезни крови, внутренних органов, мозга. Но причина заболеваний одна — последствия атомной бомбардировки.

Мы и раньше слышали выражение: «Пепел Хиросимы». Теперь мы его увидели сами. Мы взяли горсть земли у памятника жертвам Хиросимы, чтобы передать ее советским пионерам.

Л. КОРНЕШОВ

Токио — Москва

ТАЙНА ЗАТЕРЯННОГО ПЛЕМЕНИ

Лотте Гернбёк, молодому этнографу, недавно удалось побывать в почти неисследованных, труднодоступных районах острова Мадагаскар. Целью путешествия были поиски легендарного племени вазимба, следы которого затерялись еще в XVIII веке.

Лотта Гернбёк — человек недюжинного мужества. Совершенно одна, без проводников и оружия она отважно углубилась в болотистые джунгли, с затаившимися в тине крокодилами и тучами кровожадных насекомых. Джунгли упирались в горные склоны, куда еще не ступала нога белого человека. Но исследовательница все преодолела.

По ее данным, окутанное дымкой таинственности племя вазимба скрылось на запад острова. Лотта предположила, что остатки племени могли сохраниться и до наших дней. Народная фантазия наделила их сверхъестественными качествами. По рассказам аборигенов Мадагаскара, вазимбы ростом не более тридцати сантиметров и похожи на крохотных русалок. Вазимбы якобы умеют летать, превращаясь в летучих мышей, и могут плавать под водой часами.

Раззадоренная этими рассказами, молодая исследовательница пустилась в нелегкий и опасный путь и проделала его не напрасно. Преодолев горы, она после утомительных, многодневных поисков нашла деревню вазимбов. Как и следовало ожидать, вазимба внешне не слишком отличалась от своих сородичей — пигмеев Центральной и Южной Африки.

Вазимбы встретили гостью недоверчиво. Однако Лотта сравнительно быстро приобрела их расположение. Правда, ей помог случай: удалось вылечить тяжело больного ребенка вазимбов. Лотта даже побывала на празднике в честь душ покойных.

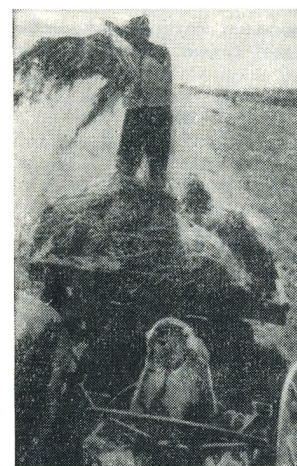
Лотта Гернбёк решила повторить свое путешествие, взяв магнитофон и кинокамеру. На этот раз идти было легче, но приходилось воевать с ливнями, которые на девять месяцев в году отрезают вазимбов от мира.

Второй визит Лотты к вазимбам был очень короток. Она торопилась, боясь застрять в «гостях» на три четверти года. Лотта говорит, что вазимбы действительно очень низкорослы, но молодое поколение проявляет тенденцию перерасти старших. Члены племени занимаются охотой и скотоводством. Оружием служат бамбуковые копья и духовые ружья с отравленными стрелами. Скот употребляют для собственных надобностей, а часть перепродают через посредников из соседнего племени, получая в обмен табак, одежду, ножи и другие товары. У одного из вазимбов Лотта видела даже фотоаппарат.

Отшельничество вазимбов объясняется религиозными мотивами, а отчасти страхом попасть в рабство к более сильным племенам. По мнению Лотты, контакты вазимбов с внешним миром обязательно будут расширяться, особенно теперь, когда Мадагаскар стал республикой.

Ю. КОТЛЯР

„ЧЕТВЕРОРУКИЙ ПОМОЩНИК“

Человек с давних пор старался сделать обезьяну своим помощником. Наиболее успешно использовали ее труд на кокосовых плантациях. В один миг обезьяна забиралась по совершенно гладкому стволу кокосовой пальмы на 30—40-метровую высоту и оттуда сбрасывала тяжелые плоды.

На этом, собственно, и ограничивалось использование обезьян, если не считать их успешные выступления в цирках и с бродячими артистами.

Но вот недавно фермер Линдель Шмидт (Австралия) доказал, что обезьяны способны на значительно большие дела.

Его «четверорукая» помощница — манана, по имени Джонни, с успехом водит трактор, открывает и закрывает ворота, расстилает для просушки шкуры овец.

Конечно, утверждать, что это она делает только по своей инициативе и с разумом, нельзя, но предполагать, что обезьяна может в какой-то мере стать помощником человека, можно.

„КОРОЛЕВСКИЕ“ КРЫСЫ

В старинных книгах, где говорилось об единорогах и о людях с лошадиными головами, упоминались и «королевские» крысы. Так называли крыс, сросшихся хвостами. Рассказывали, что эти крысы-близнецы вместе отправляются на охоту и почитаются всеми остальными крысами. Еще в конце XVIII века один немецкий ученый уверял, что сам видел таких крыс.

С тех пор такие крысы уже никому не встречались, и в старым сообщениям стали относиться с недоверием.

И вдруг в прошлом году в Голландии были пойманы семь сросшихся хвостами крыс — пять самцов и две самки. Дружное «семейство» исследовали в рентгеновском кабинете и установили, что срослись костные части крысиных хвостов. Так неожиданно подтвердилось старинное предание о «королевских» крысах.

Записки Натуралиста

ПЯТНИСТАЯ СОСЕДКА

Юрий АЛЕКСАНДРОВ

В начале весны мы обнаружили, что кто-то с нами поселился. Мы стали слышать по ночам слабый шорох, странное шлепанье по полу... А в первые дни апреля раздались нежные гортанные звуки вроде воркованья. Одним словом, стало ощущаться чье-то малозаметное, но все-таки явное присутствие.

Кто бы это мог быть? Жучок-древоточец? Бабочка? Но ведь насекомые не издают подобных звуков. Нет, это был кто-то покрупнее, притом обладающий способностью необыкновенно искусно прятаться. Никакие поиски не помогли нам обнаружить неведомое существо.

Может быть, это мышь, приходящая из подполья? Но дырок в полу не было. И в комнате постоянно находилась кошка, прекрасно ловившая мышей, а к стати — и бабочек.

Мы жили на первом этаже деревянного дома. Комната была большая, сыроватая. На полу возле окна стояли горшки, бочонки, ящики с комнатными растениями: кактусами, лимонами, амариллисами, гортензиями... Нам казалось, новый жилец появлялся именно с этой стороны, но увидеть его не удавалось.

Однажды ночью меня разбудило довольно громкое хлюпанье. доносившееся оттуда, где стояла поилка для кошки, — фаянсовая салатница с водой. Кто-то неизвестный плескался в ней. «Видно, кошка совсем оглохла. Одни небось кавалеры у нее на уме!» — подумал я и решил накрыть неизвестного с поличным. Я подошел босиком к салатнице и осветил ее карманным фонариком.

Там — о чудо! — по горло в воде сидела пятнистая жаба-жерлянка. От неожиданности она замерла на секунду, потом проворно выползла и быстрыми, мелкими прыжками заторопилась к растениям, мягко шлепая по полу мокрым брюхом. Я включил потолочную лампу. На полу были отпечатки мокрых лапок и живота — чем дальше от поилки, тем слабее. Возле горшков и ящичков они были уже еле заметны, терялись... Исчезла и жаба. Я не мог найти ее. Может быть, она превратилась вон в тот маленький пузатый кактус?..

Неужели она прожила с нами всю зиму? Очевидно. Ведь иначе и быть не могло. Питалась она, как видно, мошками, жучками, а может быть, ничем. Ведь жабы могут жить без пищи много месяцев. Спала, наверное... Только весна разбудила ее. Скоро жерлянка откормится в саду. И на здоровье! Пусть уничтожает улиток и других вредителей.

Вот и выяснилась тайна нового жильца, который так ловко прятался от нас, людей. Ну, а кошка? Очень ей надо брать в рот горькую жабу!

ХРУПКИЙ СИЛАЧ

Максим ЗВЕРЕВ

Запнуться на асфальте трудно. Но со мной это однажды случилось, когда я шел по одной из улиц Алма-Аты. Засмотревшись на книги в витрине магазина, я запнулся носком ботинка о какое-то препятствие на асфальте тротуара. Последствия такого, казалось бы, незначительного факта бы-

ли настолько интересны, что о них захотелось рассказать подробнее.

В этом месте с прошлой осени затаилось в земле будущее огромное дерева, запрятанное пока в крошечное семечко. Кто-то шел мимо, наступил и вдавил семечко в землю. Случилось так, что здесь начали асфальтировать тротуар. Серый прочный панцирь возник над семечком, как надгробная плита.

Но пришла весна и неудержимо призвала к жизни все живое. Побежали ручейки, запели скворцы, высоко над городом потянулись треугольники журавлей. Семечко проснулось и пустило корешок вниз, а слабый росток вверх, к свету, теплу, навстречу весне!

Крошечный слабый росток вступил в неравную борьбу с непреодолимой преградой. Что там у них происходило под асфальтом в полной темноте, никто не видел. Но победу одержал росток! Невероятно, но это именно так! Слабый, мягкий стебелек вспучил сначала бугорок на асфальте тротуара, а потом растолкал его в стороны и неудержимо потянулся к солнцу, торопливо разворачивая один зеленый листок за другим.

Богатырское начало жизни карагача ждал бесславный конец под ногами прохожих, и я тоже принял в этом участие. Но, право же, не жалко умереть после такой сказочной победы!

С досадой я оглянулся и посмотрел на то зло, которое я причинил малютке — росту карагача. И вдруг увидел уже совершенно неправдоподобное: с краю тротуара, где никто не ходит, сочный, мягкий гриб-шампиньон приподнял и взломал асфальт, а сам улыбался всем круглой шляпкой, словно хвастаясь:

— Ай да я, какой богатырь, асфальт для меня все равно что навозная грядка!

Вот они, сказочные богатыри-то, оказывается, рядом с нами!

КРАЖА БЕЗ ВЗЛОМА

Кузьма ХРОМОВ

Пасека колхоза селения Ахмедли Дашкесанского района находилась на небольшой поляне, в отрогах Малого Кавказа. Ее окружал густой лиственный лес.

Однажды, придя на пасеку, пчеловод Алибала Мамедов заметил исчезновение крайнего улья. Он обошел всю поляну — никаких следов. В чем дело?

Всю ночь Алибала караулил пасеку, но все было спокойно. А когда к вечеру сделал обход, недосчитался еще одного улья. Эта пропажа не на шутку встревожила пчеловода. Он думал: кто похищает ульи?

Как-то рано утром Мамедов отправился в лес на поиски улетевшего роя. На лесной тропинке он услышал шорох. Алибала укрылся в густых кустах молодого орешника и стал наблюдать. Вскоре он увидел, как по тропинке на задних лапах шел крупный бурый медведь и нес улей. Пчелы нападали на зверя, и он яростно крутил большой косматой головой, отбиваясь от них.

Похититель ульев был найден, но как подойти к нему? Пчеловод был безоружным. Алибала стал жечь спички и, громко крича, двинулся на зверя. Медведь осторожно поставил на землю улей и стал отмахиваться лапой от назойливых пчел. Затем он посмотрел на кричавшего человека и юркнул в кусты.

Рис. П. Чернышевой

Десять шагов — и ты из Австралии попадаешь в непроходимые джунгли Африки. Еще несколько шагов — и липкая жара джунглей сменяется пронзительной стужей Ледовитого океана. Но заканчивается путешествие, выходишь из скалочной страны, где от материка до материка рукой подать, — и снова перед тобой улицы с троллейбусами, телефонными будками, аркой метро.

Вы догадались, конечно, что речь идет о старейшем в нашей стране Московском зоопарке, который праздновал недавно свой столетний юбилей. Сегодня в наш филателистический клуб пришел необычный посетитель — старожил зоопарка, большая спонная черепаха. Вот что она рассказала:

— Я давно живу в Москве. Вдалеке от тихоокеанского приюта и раскаленных песков Галапагосских островов, где я родилась. Здесь у меня новые заботы, новые знакомые. Даже в нашем террариуме все как-то перемешалось: среднеазиатский серый варан и миссисипский аллигатор, ядовитая гюрза и большой тигровый питон... Не погади они сюда, так никогда бы и не встретились.

С юбилеем зоопарка совпал и мой юбилей. Но кому старость, а вам, филателистам, радость. Вы получили новые марки. Целую серию из семи штук. Для вас это, конечно, много, а для нас, жителей зоопарка, — капля в Тихом океане. Сколько было желающих поместить свой портрет на юбилейной марке! Но разве это возможно! Нас здесь, в зоопарке, больше 570 видов. Если каждого поместить на марку, то получится длинная полоска. Около тридцати метров. Мне ее проползти — сколько трудов будет стоять! Да и не каждый может получить на этой маленькой картинке. Возьмите стеклянного окуня из нашего аквариума. У него разве что голова да хвост получатся, и то расплывчато: он ведь почти весь прозрачный, даже скелет просвечивает.

На этих марках — все крупные звери и птицы. Но есть у меня новые земляки, которые полностью поместились бы на таком крохотном островке бумаги. Возьмите, например, известную вам аквариумную гуппи или неоновую рыбку со светящейся сине-зеленой полосой на спине. А если чуть увеличить марку, то и моя соседка по террариуму, зеленая квакша, уместится. Уместилась бы и малень-

Тебе.

кая южноамериканская колибри, да нет ее в нашем зоопарке — плохо приживается в московском климате. Но это исключение. Большинство быстро привыкает. Приходите к нам зимой — и вы увидите странную картину. Дикая собака динго, жительница теплой Австралии, разгуливает спокойно по колючему снегу и не мерзнет, а на застывшем пруду в полынь плавают лебеди.

Много интересного могла бы я рассказать, но... теперь хочу спросить вас.

Вы сразу скажете, кто из моих соседей за день съедает больше пищи. Конечно, слон. Но если сравнить дневной рацион с их собственным весом, кто окажется чемпионом!

Известно, что я, черепаха, медлительное существо. А вдруг наши счастливчики, попавшие на марки, начнут состязаться в скорости, в каком порядке придут они к финишу!

Вы знаете уже, сколько мне лет. А как долго живут звери и птицы, нарисованные на марках!

Посмотрите на марку, где изображен забавный ушастый в черных очках. Что это за животное? Где оно обитает! Чем питается! Как ведет себя в нашем зоопарке!

И последний вопрос. Какой еще зоопарк будет отмечать в этом году столетний юбилей!

На этом черепаха умолкла. Нам нетрудно было точно записать ее короткий рассказ, который продолжался... два часа.

Черепаха ждет ваших ответов, юные филателисты. Но не будьте столь медлительны, как она, и поскорее присылайте их в журнал.

На 1-й странице обложки: «Пятнистый олень». Рис. В. Симонова.

Главный редактор А. А. Виноградов

Редколлегия: Андреев В. С. (ответственный секретарь), Васильева Л. В., Дунин М. С., Корчагина В. А., Клумов С. К., Овчаров К. Е., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Шманкевич А. П., Щукин С. В.

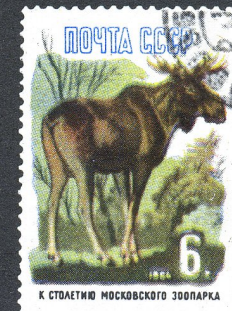
Научный консультант доктор биологических наук профессор Н. А. Гладков

Художественный редактор Л. С. Громов
Технический редактор М. Т. Шленская

А02549. Подп. и печ. 26/II 1965 г. Вум. 84×108/16.
Печ. л. 2,75 (4,6). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 130 000 экз.
Заказ 136. Цена 20 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21.

Филателист

РЕБЯТА! ЕСЛИ ВЫ ЕЩЕ НЕ КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ МАРОК, НЕ ПОЗДНО СТАТЬ ИМИ СЕЙЧАС.

В магазинах книготоргов, торгующих филателистической продукцией, можно купить советские марки-новики (чистые и гашенные) и марки стран социалистического содружества (гашенные) в подборках и пакетах по темам: «В. И. Ленин», «Достижения нашей Родины», «Наука и техника», «Освоение космоса», «Спорт», «Флора и фауна» и др.

Эти же марки можно заказать по почте наложенным платежом:

магазину № 111 Москниги [Москва, Ж-4, Большой Факельный пер., 2/22] или магазину «Филателия» Киевского книготорга [Киев-4, ул. Кропивницкого, 12].

ГЛАВНАЯ ФИЛАТЕЛИСТИЧЕСКАЯ КОНТОРА ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЗАКАЗЫ НЕ ВЫПОЛНЯЕТ.

Коллективам филателистов Отдел мелкого опта Главной филателистической конторы высылает наложенным платежом (один раз в месяц) марки СССР 1965 года (чистые и гашенные) и стран социалистического содружества (гашенные).

В заказе указывается наименование и адрес кружка, клуба, общества коллекционеров и количество заказываемых марок-новинок (но не менее 5 негашенных серий марок СССР). Заказ подписывается руководителем коллектива коллекционеров и заверяется печатью.

Оплата марок и стоимость пересылки производится на почте при получении заказа. В случае невыкупа дальнейшая высылка марок прекращается.

Коллективные заказы направляйте по адресу: Москва, Ж-44, 1-й Крутицкий переулок, 4а, Отдел мелкого опта ГФК.

ГЛАВНАЯ ФИЛАТЕЛИСТИЧЕСКАЯ КОНТОРА

20 коп.

Индекс 71121

Когда художник сознательно ограничивает себя, работая всего одной краской, умение отбросить все второстепенное, пожалуй, самое главное. Вот один из листов самаркандской серии гравюр на линолеуме В. А. Фаворского. Посмотрите, с какой величавой простотой выразил свой чистый, светлый душевный мир Владимир Андреевич Фаворский.